

ПЕТРА
ХАРТЛИБ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
и безумные праздники

Перевод Анны Рахманько

НОВОГОДНИЕ ХРОНИКИ
(СОВСЕМ НЕ) УСТАВШЕГО
КНИГОТОРГОВЦА

МИО

PETRA HARTLIEB

Weihnachten
in der
wundervollen
Buchhandlung

Книги, книжные и их обитатели

ПЕТРА ХАРТЛИБ

Книжный магазин и безумные праздники

НОВОГОДНИЕ ХРОНИКИ
(СОВСЕМ НЕ) УСТАВШЕГО
КНИГОТОРГОВЦА

Перевод с немецкого
Анны Рахманько

Москва
МИФ
2025

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гер)6-44
Х22

*Оригинальное название:
Weihnachten in der wunderwollen Buchhandlung*

На русском языке публикуется впервые

Хартлиб, Петра

Х22 Книжный магазин и безумные праздники. Новогодние хроники (совсем не) уставшего книготорговца / Петра Хартлиб ; пер. с нем. А. Рахманько. — Москва : МИФ, 2025. — 192 с. — (Книги, книжные и их обитатели).

ISBN 978-5-00214-409-9

Однажды Петра Хартлиб решила открыть книжный магазин в Вене. С тех пор каждые зимние праздники для нее настоящее безумие: от посетителей нет отбоя, продавцы сбиваются с ног, а книги разлетаются на подарки со скоростью света. И это не говоря о том, что нужно найти ту самую кулинарную книгу для фрау Л., подобрать подарки для пятнадцати правнуков фрау Ф., нарядить елку и не забыть про собственный день рождения.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гер)6-44

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Книга не пропагандирует употребление алкоголя или любых других запрещенных веществ.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2018 DuMont Buchverlag, Köln
Original German title:
„Weihnachten in der wundervollen
Buchhandlung“

ISBN 978-5-00214-409-9

© Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Все было не так уж плохо!	10
24 декабря нам всем крышка	16
У вас что, нет помощницы?	30
Рождественский венок, или ощипанная курица	41
Дайте мне спокойно умереть	48
Есть что поесть? — К сожалению, нет	57
Как бы тебе хотелось отпраздновать свой день рождения? — В тишине	69
Пожалуйста, книгу из телевизора. Она была зеленая	79
Кто думает о завтра? Let's party!	107

Не будь такой блондинкой!.....	114
Ты умеешь чинить интернет?.....	123
Машина навynos 136	
Осторожно, снегопад!.....	146
Конкурс «Кому хуже всех».....	153
У вас, случайно, нет?.. ..	162
Рецепты.....	169
Рекомендации книг	183
Благодарности.....	187
Об авторе	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это большое приключение началось почти пятнадцать лет назад. Вместе с трехлетней дочкой и пятнадцатилетним сыном мы жили в Гамбурге, у мужа была очень хорошая работа, а у меня по крайней мере перспективная.

Дождливое гамбургское лето в очередной раз начало действовать нам на нервы, и мы решили провести две недели у друзей в Вене.

Прогуливаясь по нашему району, мы оказались перед грязными витринами закрытого книжного магазина на улице Верингерштрассе, и у нас проскользнула мысль бросить все в Гамбурге и открыть книжный в Вене.

Одно за другим все сложилось само собой: находясь в Гамбурге, мы сделали ставку на аукционе, а уже в конце сентября получили короткое

сообщение, что купили тот самый книжный магазин. Мы и не думали, что нашу ставку воспримут всерьез.

И вот, засучив рукава, мы с головой погрузились в дело. Без денег, без жилья, без каких-либо гарантий, зато с большим энтузиазмом, уверенностью в собственных силах, рвением и множеством близких людей, которые всегда в нужный момент оказывались рядом. Мы заняли денег, переехали к друзьям в маленький домик в Шафберге, во всяком случае, на время, пока не закончится ремонт в нашей квартире над магазином. Старший ребенок остался один в Гамбурге, младший быстро привык к новой жизни с родителями, которые пропадали на работе день и ночь, без собственной крыши над головой, зато с братом и сестрой, пусть и не кровными, и бонусом в виде двух дополнительных родителей.

В 2014 году я записала эту историю, наша маленькая лавка стала магазином из книги «Мы купили книжный магазин», и с тех пор не проходит и дня, чтобы кто-нибудь не заглянул к нам в надежде убедиться, действительно ли все выглядит так, как описано на страницах.

В мой электронный почтовый ящик прилетели сотни писем от людей, которые поделились свои-

ПРЕДИСЛОВИЕ

ми историями — историями веры в себя и историями неудач, многие из которых связаны с книжной торговлей, но далеко не все. Они говорят о смелости, о трудной работе, об очень самостоятельных детях, о счастье и об отчаянии, о ценности дружбы.

В этой книге я расскажу несколько новых историй из жизни нашего магазина, многие из которых могли бы происходить в любом другом книжном. И поэтому я посвящаю это издание всем книготорговцам, которые так же, как и я, могли бы рассказать несметное количество историй о рождественском безумии.

Я посвящаю эту книгу и нашим покупателям, которые приобретают у нас книги круглый год и заглядывают к нам даже в Рождество, несмотря на то что в магазине многолюдно, шумно и невозможно скрыться от чужого взгляда. Продолжайте приходить, даже если у нас усталый вид, потому что без вас не было бы и нас.

ВСЕ БЫЛО НЕ ТАК УЖ ПЛОХО!

На улице ярко светит солнце, на термометре больше 10 градусов тепла. Я прогуливаюсь по берегу Дуная, вокруг щебечут птицы, собаке очень хочется искупаться, и в этот момент мимо меня проплывает наша постоянная клиентка фрау П. вместе со своим гребным клубом и радостно машет в мою сторону. Из-за ослепительного блеска воды я с трудом узнала ее.

На дворе начало ноября. Если это последствия изменения климата, то простите, но я должна признаться: мне такое по душе.

Сегодня понедельник, а значит, у меня выходной. Я отвечаю на несколько писем, przygotowuję приглашение, а после обеда, может быть, отправлюсь в город,

сяду в кафе и сделаю вид, что в моем распоряжении все время на свете. По крайней мере, таков план.

Но дома я по привычке заглядываю в календарь. И там в самом низу черным по белому написано: Рождественская вечеринка Евы и Петры.

Я спускаюсь в магазин, то есть в его подсобку, потому что на мне только сандалии «Биркеншток» и спортивные штаны. Наполовину спрятавшись за дверь, я выглядываю в торговый зал и бурно жестикулирую, пока Ева не подходит, наконец-то заметив меня. «Ева, в календаре значится рождественская вечеринка», — шепчу я.

«Да, я знаю! И жду не дождусь!» — Ее губы растягиваются в такой улыбке, будто я уже включила гирлянду на рождественском дереве и зажгла бенгальские огни, и она не замечает моего отчаянного выражения лица. Это уже стало нашей традицией, которая, думаю, существует на протяжении десятилетий и еще долго будет существовать: чем отчаяннее я выгляжу, тем счастливее кажется Ева.

Вечером к делу подключается Оливер и достает со склада коробки с рождественскими книгами. «Достает со склада коробки с рождественскими книгами» — вовсе не значит, что он куда-то идет и возвращается с тремя стопками книг

в двух боксах. Нет, это значит, что он садится в наш фургон, проезжает триста метров до следующего перекрестка, полчаса нагружает в него книги и возвращается с полной машиной. И пытается припарковаться как можно ближе к нашему магазину.

После закрытия я тщательно прохожусь пылесосом по ковру. Стоит нам только принести коробки из фургона, как Ева тут же принимает за дело. Который год подряд ей удается освободить стол с новинками в отделе детских книг, несмотря на то что магазин уже несколько недель забит так, что не втиснуть даже самую крохотную книжку. Каким-то волшебным образом вдруг освобождается площадь не менее одного квадратного метра. С разных полок тома «Игры престолов» убираются на головокружительную высоту к учебным пособиям, а те несколько научно-фантастических книг, которые мы прячем на боковых полках, перебираются к историческим романам, и никто этого не замечает. В магазине повсюду расставлены пластиковые контейнеры с большими выведенными на них словами, несущими в себе угрозу: Рождество, Святой Николаус*

* *Святой Николаус* — праздник, который отмечается в Германии 6 декабря. В этот день принято дарить подарки детям. *Здесь и далее прим. пер. и прим. ред.*

и Святой Мартин*. Затем начинается игра, повторяющаяся из года в год: каждую книгу из коробки берут в руки, тщательно изучают и сортируют по темам в отдельные стопки. И их так много, что стопки неизбежно превращаются в настоящие горы. Горы вырастают, конечно, на полу, который я сперва тщательно пропылесосила. И получаются разные: горы мягких книжек для малышей, картонных книг, книг-картинок, рождественских историй для самых маленьких, для детей среднего возраста и для детей постарше, книг для чтения вслух в детском саду, для обучения чтению, книг «Я умею читать» и рождественских книг для подростков — да, даже у «Трех вопросительных знаков»** есть рождественская серия. Конни печет печенье***, Лео Лаузе-маус**** не хочет дожидаться сочельника, и, к счастью, есть еще дети из Бюллербю, которые отвечают за то, чтобы все было как раньше. К Петсону и Финдусу заглядывают на Рождество еще с тех пор, как мой

* *Святой Мартин* — отмечается 11 ноября в честь Мартина Турского. Вечером проводят шествия по улицам с фонариками и лампами.

** *«Три вопросительных знака»* — серия молодежных книг, изначально выпущенная в США, но продолженная в Германии.

*** *«Конни делает печенье»* — это книга Лианы Шнайдер из серии «Лучший друг — Конни».

**** *Лео Лауземаус* — маленький мышонок, герой серии книг-историй для детей 2–4 лет.

сын ходил в детский сад (а ему вот-вот исполнится тридцать лет), а у гнома Томтена* борода совсем белая — ведь ему уже так много лет. Из коробок достается и кое-что для взрослых: рождественские детективы, эротические рассказы, смешные истории, короткие рассказы для чтения вслух в доме престарелых, четыре разных издания рождественской истории Чарльза Диккенса, и снова и снова — Ваггерль** и Розеггер***.

Горы книг тянутся к потолку, но коробки не убывают, и мое отчаяние растет вместе со стопками. В какой-то момент Ева отправляет меня наверх за вином. Ее хорошее настроение просто поражает. С каждой новой книгой, которая попадает ей в руки, сотрудница издает восторженный визг, и в эту картину отлично вписывается свитер с норвежским узором, который она связала сама и выбрала специально для этого дня, и поблескивающая на ее носу звездная пыль. Я смотрю на нее и осознаю: и хотя мне ее не понять, я все равно ее люблю.

Через четыре часа этот хаос подходит к концу, Оливер увозит пустые коробки. О, чудо: все книги

* *Томтен* — гном, персонаж одноименной книги Астрид Линдгрен.

** *Карл Генрих Ваггерль* — австрийский писатель.

*** *Петер Розеггер* — австрийский писатель, в честь которого названа литературная премия, вручаемая в Граце.

ВСЕ БЫЛО НЕ ТАК УЖ ПЛОХО!

до одной находят себе место, и выглядит это даже очень себе аккуратно. Я развешиваю еще несколько антропософских эльфов из фетра, Ева расставляет по передвижным лестницам адвент-календари. Мы в очередной раз справились.

«Вот видишь! Все было не так уж плохо», — Ева сияет от радости. И правда, не так уж. Но я уверена, что до следующего года я снова об этом забуду.

24 ДЕКАБРЯ НАМ ВСЕМ КРЫШКА

В ушах стоит звон, голос осип. Я не могу представить, что когда-либо снова открою рот, чтобы произнести что-нибудь кроме рекомендации книги или вопроса «А вам нужен пакет?» Но так было не всегда.

В детстве я обожала 24 декабря: нам с сестрой разрешали смотреть телевизор с самого утра — там всегда шел старый фильм с Роми Шнайдер или Петером Александером, — пока мы щедро обвешивали огромную елку сладостями. Мы точно знали, что наши подарки были спрятаны где-то в квартире, а мама вместе с бабушкой несколько часов подряд не выходили из кухни, готовя еду на ближайшие несколько дней. Восторг и празд-

ничное настроение не покидали нас, во всяком случае, до тех пор, пока наши родители не начинали ссориться. Обычно это случалось после появления в квартире папиной мамы, другой бабушки. Той, что не умела делать ни кнедлики, ни штрудель и приходила только поесть, ни разу не положив хоть что-то в наши рождественские чулки.

Покинув родительский дом, я быстро поняла, что праздновать Рождество стоит только с детьми. И, недолго думая, нашла решение этой проблемы: родила ребенка в двадцать лет. И Рождество снова приобрело смысл и свою прелесть: первый сочельник я встретила в качестве молодой мамы с младенцем на руках в квартире тогдашнего парня, которую он делил с другими жильцами, — в последующие годы вечеринки проходили в моей коммунальной квартире. Мы разыгрывали из себя семью: парни готовили, оставляя после себя огромные горы посуды на кухне. Елку покупали в самый канун Рождества в три часа дня: так было дешевле. Она была украшена красными звездами и первомайскими значками.

К рождению второго ребенка я уже состояла в счастливом браке, у нас была хорошая квартира в Гамбурге, мы украшали слишком большую и слишком дорогую елку настоящими рождественскими

игрушками, пекли печенье, и я проводила один или даже два дня в центре города в поисках подходящих подарков.

Потом я стала книготорговцем. И беззаботный рождественский период остался в прошлом. В канун Рождества нам с мужем приходится работать до часу дня, к этому времени все остальные магазины тоже закрываются. Но это неважно, потому что у нас все равно нет сил делать покупки.

В первый год существования нашего книжного это не особо беспокоило: у нас не было своего жилья, и мы вместе с младшим ребенком жили в гостевой комнате в небольшом доме в Шафберге. Старший ребенок, который все еще ходил в школу в Гамбурге, навещал нас на Рождество, но после раздачи подарков ему приходилось уезжать к приемной бабушке*, потому что в доме друзей-радиологов ему негде было спать. Все праздничные хлопоты

* *Приемная бабушка* — Wahloma (нем.) — пожилая женщина, взявшая на себя роль бабушки по уходу за ребенком в семье при посредничестве социального работника.

тогда взяли на себя наши друзья. Е. достала елку и украсила ее серебристыми и металлически-голубыми шарами. Это вызвало удивление у моего мужа, ведь он предпочитает классические варианты, но это не имело значения, потому что они приготовили еду, достали и упаковали все подарки, которые нельзя купить в книжном магазине. Ф. взял на себя все походы за продуктами, дотацил елку в горку и двадцать четвертого числа повел всех детей в кино на мультфильм про Петсона и Финдуса. Мы тем временем даже успели принять душ и немного передохнуть после закрытия магазина. Получив подарки, дочь так увлеклась новой куколкой, что даже не заметила, как родители уснули на диване после бокала вина в восемь вечера.

Но как только ремонт нашей квартиры над книжным магазином завершился, мы съехали из маленького домика в Шафберге. И ответственность за организацию рождественского праздника для собственных детей полностью легла на нас. Несомненно, мы могли бы купить подарки еще в сентябре,

заготовить заранее еду, чтобы потом разморозить ее 24 декабря. Да... Могли бы. Но не сделали, по крайней мере, я.

В какой-то момент возникла идея привезти родителей мужа к нам на Рождество. Я не помню, чья это была идея, да и сейчас было бы бессмысленно пытаться вспомнить, но тогда это казалось вполне разумным. Дедушка любил готовить, и у него хорошо получалось, а бабушка могла вместе с детьми украсить елку и придать квартире праздничный вид. Таков был план.

В два часа дня мы поднялись из книжного магазина в квартиру. На этот раз у нас была подмога в создании семейного рождественского волшебства, поэтому мы не торопились: по всем правилам сдали кассу и даже немного прибрались в магазине. Красивая, большая и пышная елка стояла в углу гостиной совершенно нетронутая, то есть голая, без каких-либо украшений. Сын лежал на диване в наушниках и играл в телефон, дочка пребывала в плохом настроении, потому что предпочла бы играть с друзьями в маленьком домике в Шафберге. Бабушка сидела в кресле и читала, и лишь бросила на меня беглый взгляд, когда я оказалась на пороге. Дедушка не спеша поднялся после обеденного сна и так же не

спеша принялся готовить ужин. Муж попытался меня успокоить, с тревогой наблюдая за тем, как я судорожно развешиваю украшения на елку. Дочка предложила сходить в церковь на рождественскую постановку, и я, понимая, что свежий зимний воздух пойдет нам всем на пользу, согласилась. Поэтому наша елка осталась непышно украшенной, а приготовление ужина — отложено на потом. Мы оделись и отправились на детскую праздничную службу как большая счастливая семья. Не хватало только старшего сына: ему нужно было закончить свою игру в телефоне, и кто-то же должен был разложить подарки под елкой. В церкви я повстречала всех покупателей за последние несколько недель, так что поход на службу как минимум пошел на пользу моей репутации.

Несколько лет спустя ситуация изменилась и оставалась таковой вплоть до сегодняшнего дня. Мы по-прежнему живем над книжным магазином, но теперь у нас есть небольшой дом за городом. Сын уже не ребенок, живет в Вене и даже проявляет

готовность помогать — он снова хочет встречать Рождество с родителями. 23-го числа он загружает свою младшую сестру, собаку, рождественские подарки, покупки и книги на целую неделю в наш фургон и отправляется в Вайнфиртель, поскольку у него теперь есть водительское удостоверение.

Из года в год 23 декабря я чуть ли не падаю на колени от счастья, ведь все почти закончилось и у нас есть маленький домик за городом, куда мы теперь ездим каждое 24 декабря. Отправление в 15:22 с вокзала Франца-Иосифа. Вечером 23-го мы закрываем магазин, наводим порядок на скорую руку — заполняем пробелы на полках, — после чего ужинаем в ресторане у нашего друга Георга, в двух улицах от нас. Вероятно, это самый счастливый день в году, чего мы не осознаем из-за усталости. Но очень вкусно едим, много пьем и поздно ложимся спать, ведь завтра все будет позади! В рождественский день все несколько рабочих часов нас почти ничего не тревожит. Товары больше не доставляют — нам не нужно ничего распаковывать. Покупатели, которые еще заходят, — смиренны и скромны. Они совершенно отчаялись и уже не могут представить себе, что найдут у нас желанную книгу. Поэтому больше никаких фраз вроде «Что значит у вас нет в на-

личии?» или «Амазон бы мгновенно доставил». Люди 24 декабря благодарны и покупают то, что есть. Тот, кому нужен был путеводитель по горам, может уйти с изданием о велосипедах, а биография может превратиться в кулинарную книгу. Главное — завернуть в рождественскую бумагу. В час дня мы закрываемся. И как только табличка на двери меняется на «Закрыто», сотрудники, которым пришлось работать в этот день, ведь у них нет детей, выпускают громкий возглас, и мы все кидаемся друг другу в объятия. Откупоривается бутылка шампанского, раздаются небольшие подарки, после чего все хотят как можно быстрее покинуть место, где провели так много времени в последние недели. Мы с Оливером бежим на вокзал, по пути запасаясь едой и двумя большими чашками кофе в ресторане быстрого питания. Поезд еще не успевает далеко отъехать, а я уже дремлю на плече супруга.

На станции в Вайнфиртеле нас встречают дети и собака. На улице морозно и смеркается, но окна нашего домика светятся и в камине горит огонь. Нельзя сказать, что внутри идеальная чистота, да и елка украшена только спереди: у детей было мало времени — «Гарри Поттер» сам себя не посмотрит. На ужин сын приготовил лазанью,

потому что она получается у него особенно хорошо. Небольшой сон на диване, долгая семейная прогулка с собакой, подарки, еда, игры. И каждые пять минут я говорю себе вновь: завтра не нужно открывать магазин. Завтра не нужно пересказывать кому-нибудь целый роман. Завтра не нужно заворачивать подарки. Я самый счастливый человек на свете.

И вот наступает тот момент, когда впервые на Рождество к нам не приходят дети: сын уже зрелый мужчина, а дочь почти взрослая и уехала на год в Финляндию. И нет, она не приедет на каникулы домой и мы не поедem к ней. Моя дочь празднует со своей новой семьей и полна решимости наверстать все, что упустила за последние двенадцать лет.

Она каждый день ездит в школу на велосипеде через заснеженный лес, у нее есть младшие «брат и сестра», которые верят в Санту, и они вместе коротают предрождественские дни, как и принято: пекут печенье, катаются на санках,

строят снежные пещеры, пишут письма рождественским эльфам и делают своими руками маленькие подарки. В преддверии Рождества вместе с новой семьей она отправляется в гости к своим новым бабушке и дедушке в местечко с непроизносимым названием где-то на севере Финляндии. На фотографиях, которые она присылает по «Вотсапу» без каких-либо комментариев, видны деревья и еще больше снега, а домики как будто сходят со страниц книг Астрид Линдгрен. За несколько дней до Рождества она спрашивает по телефону, скучаю ли я по ней, и я ненадолго задумываюсь о том, как было бы сподручно, если бы она была сейчас рядом. Она могла бы сходить по магазинам, разобрать посудомоечную машину или выгулять собаку. Я ничего не отвечаю, и она все понимает без слов. А когда меня спрашивают, сильно ли я грущу или ревную, что дочка празднует с другой семьей и все такое, я отвечаю «да», потому что, наверное, от меня именно этого ожидают. Но на самом деле я слишком устала, и, кроме того, точно знаю, что я действительно хорошая мать на протяжении одиннадцати месяцев в году. И мы с дочерью уделяем друг другу много времени, просто не в декабре.

Осенью муж предлагает слетать куда-нибудь на Рождество, и после почти двадцати лет совместной жизни ему удастся меня сильно удивить. Это мой муж, который вообще-то отказывается ездить куда-либо, кроме Вайнфиртеля, а если и едет в другой город, то только в тот, что ему уже знаком, чтобы не осматривать достопримечательности, — и это он предлагает отправиться в путешествие! Еще и на самолете. И в незнакомый город. Туда, где мы ни разу не были. Вдвоем. Я сразу принимаюсь перечислять: Рим, Неаполь, Барселона, Лиссабон, — но он отмахивается: «Я не поеду в декабре в страну, в которой не слышали об отоплении!» Значит, на север. В Осло мы уже были, в Хельсинки отправить не можем, иначе дочери может показаться, что мы ее преследуем, а люди посчитают нас сумасшедшими, раз мы поехали так близко, но не к ней. Поэтому мы проверяем, сколько стоят авиабилеты в Стокгольм. И нам кажется, что не так уж и дорого. А на следующий день на улице нам встречается хорошо знакомая пара. На самом деле когда-то они были клиентами, но, как и многие другие, в какой-то момент превратились в близких друзей. Совершенно случайно выясняется, что у них есть квартира в Стокголь-

ме. А поскольку их дети уже взрослые и живут в Вене, то пара не планирует встречать Рождество в Швеции. «Дорогие, вы можете поехать туда без нас! И остановиться в нашей квартире», — предлагают они, и все, кто нас знает, понимают: дважды повторять не придется.

20 декабря мы приходим к ним на ужин, где нас ждет киш, салат и потрясающий торт, карта Стокгольма, связка ключей, точное описание пути от аэропорта до квартиры, инструкция по отключению сигнализации, пароль от интернета и забронированный столик на юльборд — традиционный шведский рождественский буфет.

В этом году 24 декабря выпадает на воскресенье. Я осознаю это за несколько дней до сочельника, и возникает ощущение, что мне дали недельный отпуск. Еще в пятницу мы отвозим нашу собаку в гостиницу для животных — значит, в субботу я могу спать до половины девятого, прежде чем отправлюсь делать самый большой оборот за всю историю книжного магазина до шести вечера. Целый день меня не покидает ощущение, что все не так уж и плохо, потому что я точно знаю, что вечером это закончится. Я съем большой стейк у Георга, мой любимый официант, не дожидаясь просьбы, поставит передо мной любимое вино,

а потом мы просто рухнем в кровать и сможем выспаться до наступления следующего дня.

Странно проводить часть 24 декабря в аэропорту. В магазинах скучают продавцы, в коридорах пусто. Мы едим бургеры и картошку фри и, усталые, но счастливые, отправляемся к выходу на посадку.

Всего через несколько часов мы уже сидим в небольшом ресторанчике с видом на Стокгольмский архипелаг. Девушка Миа с волосами соломенного цвета объясняет нам, как устроен шведский стол, и мы берем рыбу в майонезе, вареную рыбу, копченую рыбу, рыбный салат, мясо северного оленя, чаттбуллар*, а потом еще и десерт, и так пока не наедаемся до отвала. Квартира у друзей просторная, уютная и красивая, супермаркет за углом работает ежедневно до одиннадцати вечера, и сам факт, что у нас есть время приготовить себе лапшу, уже кажется невероятной роскошью. По утрам мы просыпаемся, когда захочется, пьем кофе в постели и, наконец, около полудня нам удается выйти из квартиры. В конце концов, мы прилетели в другую страну, поэтому нельзя позволить себе проваляться все время в постели. Каждый день

* *Чаттбуллар* — жареные фрикадельки, традиционное мясное блюдо шведской кухни.

мы гуляем, ходим в музей, я пытаюсь уговорить мужа съездить в парк развлечений «Мир Астрид Линдгрен».

На самом деле мы очень радуемся плохой погоде. Она служит нам веской причиной не вставать с дивана после наступления темноты — ранним вечером, — откуда, немного погодя, мы перебираемся на мягкую пружинную кровать.

У ВАС ЧТО, НЕТ ПОМОЩНИЦЫ?

Подарочная бумага — это важно. И чем ближе к 24 декабря, тем важнее она становится. Иногда создается ощущение, что упаковка чуть ли не ценнее содержимого.

В какой-то момент в ноябре мы вспоминаем: нужно заказать рождественскую бумагу. Мы с Анной досконально просматриваем онлайн-каталоги: как же называется компания, у которой мы каждый год делаем заказ и которая нарезает для нас огромные рулоны нужного размера? Из года в год это дается нам нелегко: какой цвет? Какой узор? Разная бумага для детей и взрослых или одна, подходящая для всех возрастов? Когда речь заходит об упаковочной бумаге, мнений столько же, сколь-

ко и коллег. «Я бы хотела с блестками!» — который год пытается продвинуть свою идею Ева, потому что любит бумагу с блестящими единорогами. Коллеге, играющей в дэт-метал-группе, скорее всего, хотелось бы с черепами, а если позволить выбирать нашей дочери, то наверняка получится что-то с котятками.

Оливер не хочет ничего пестрого, для него и речи не может идти о любых других цветах, кроме темно-зеленого и красного, разноцветное вызывает у него неприязнь. Санта-Клаусы и северные олени под полным запретом, потому что австриец не поймет шутки, если вы захотите отнять у него святого младенца Иисуса*. Фольгированная упаковка тоже не подходит, на это ни за что не согласятся наши сотрудники — борцы за охрану окружающей среды.

По крайней мере, мы все сходимся в одном: никакого разделения по полам. Ни за что. Ни в течение года, ни на Рождество. Мы — категорические противники розово-голубого помешательства, бойкотим розовые книжки Lego для девочек, путеводители по городу и книги по барбекю «для девочек» заказываем исключительно по просьбе

* Именно Иисус приносит подарки детям на Рождество в Австрии.

клиентов и обожаем маленьких мальчиков, которые спрашивают книжки в пастельных тонах а-ля «Счастливая пекарня»*. Так что рождественская бумага должна быть гендерно нейтральной.

Заказывать приходится мне с Анной, поэтому мы выбираем на свое усмотрение. Берем зелено-красную и рулон детской бумаги — красивой и старомодной, с игрушечными мотивами, щелкунчиками и веточками омелы. Одному из начальников придется с этим смириться.

Галия работает у нас уже год, упаковщицей. Вообще-то она учитель математики, но от города, где она когда-то преподавала, остались одни руины, поэтому вместе с мужем и детьми Галия бежала из Сирии в Австрию. Ее самая сокровенная мечта — снова устроиться по специальности. Но это не так просто, поскольку ни одному из ее документов, не говоря уже об университетском дипломе, не удалось пережить войну и бегство. Теперь она

* «Счастливая пекарня» — серия детских книг Кэтрин Литтлвуд, писательницы и актрисы из Нью-Йорка.

ломает зубы (зачастую вместе со мной) об стену австрийской бюрократии, работает у нас несколько часов в неделю и учит немецкий язык. Она впитывает каждое слово и фразу как губка и надеется на второй шанс. Так что пока учитель математики работает в нашем магазине несколько часов в неделю в качестве профессиональной упаковщицы. К сожалению, этим она ничего не зарабатывает: доход вычитают из ее пособия. Хотя семья едва сводит концы с концами, для Галии это не так важно. Главное, что у нее есть работа, коллеги и начальница.

В декабре Галия стоит в подсобке, дожидаясь, пока мы принесем ей книги для упаковки. У нее хорошо получается, она искусно загибает концы, наклеивает сверху этикетки или переписывает названия, чтобы покупатели знали, что находится внутри. Галия любит выносить готовые подарки и самостоятельно вручать их покупателю.

Да, многим все еще непривычно видеть женщину в хиджабе, работающую в книжном магазине в буржуазном районе Вены — Веринге. Некоторые покупатели бросают на нее удивленные взгляды, другие с напыщенной дружелюбностью благодарят ее, а третьи забирают пакет с вежливым «шукран», что по-арабски означает «спасибо».

Галии приходится сталкиваться и с недовольными взглядами, а мое предложение о том, что коллега может завернуть книги, однажды встретили вопросом: «А она это как следует делает?» Как бы мне хотелось ответить: «Нет, она же арабка, а они никогда ничего не делают как следует!» Но, конечно, я воздержалась и попросила Галию: «Пожалуйста, сделай это покрасивее». И она наклеила на упаковку три золотые звезды, вынесла ее и, сияя от радости, отдала в руки покупателю: «Пожалуйста».

«Не могли бы вы чуть-чуть завернуть?» Мы давно перестали спрашивать себя, что значит «чуть-чуть завернуть». Наклеить на книгу маленькую полоску бумаги? Неплотно обернуть вокруг лист бумаги? Обвязать бантом, не упаковывая?

Но ладно, «чуть-чуть» много времени не занимает: если всего одна книга, то мы делаем это на скорую руку в перерыве между покупателями и прямо за прилавком — на краешке стола в двадцать сантиметров между кассой и стопками книг.

Никому, совершенно никому в нашем магазине, нет, во всем свете, не произнести так же очаровательно «С превеликим удовольствием», как это получается у Петера. Он никогда не теряет самообладания, всегда любезен, и особенно пожилые дамы боготворят его. Вот одна, правда, с удивлением смотрит на него, когда он наклоняется, чтобы оторвать от рулона большой кусок бумаги.

— У вас что, нет помощницы? — удивляется она. Я нахожусь далеко, и хотя слышу эти слова, не понимаю, что она имеет в виду. А вот Петер все понимает.

— Я — сам себе помощница, — весело отвечает он. И женщина предлагает немного помочь.

Покупательница пристально следит за тем, как Ева заворачивает толстый роман.

— Какая отвратительная бумага. У вас что, нет другой?

Рука Евы на мгновение зависает над упаковкой — я точно знаю, что она с трудом подавляет желание разорвать бумагу на кусочки. Но она ничего не отвечает, кладет книгу вместе с подарочной упаковкой в пакет и молча отдает покупательнице. Когда та выходит из магазина, Ева смотрит на меня со слезами на глазах: «Как она может такое говорить?»

— А вы можете мне так же красиво завернуть, как ваша коллега? У меня дома нет такой бумаги. — Покупательница зачарованно смотрит, как Лена упаковывает подарок для другого клиента. — У вас изумительно получается. Вы просто профессионал в этом деле. А вы умеете так же красиво? — вдруг обращается покупательница к Ханне. Та усмехается глубоко в душе и принимается заворачивать книгу. — Ну, вообще-то клейкая лента грязная. Меня такая не устраивает.

Ханна молча продолжает упаковывать.

— Ну ладно, теперь уже слишком поздно. Можете не переупаковывать.

Ханна заклеивает другую сторону.

— Но это выглядит иначе! Другую сторону вы сделали совсем по-другому. Переделайте эту, но чтобы одинаково!

Ханна вопросительно смотрит, как покупательница отрывает бумагу с одной стороны.

— Смотрите, здесь отклеивается, заверните вот так и заклейте... Так намного красивее. Спасибо.

Мы закрываемся в шесть, и в пять минут седьмого покупательница кладет на прилавок перед Анной внушительную стопку крошечных книжек.

— Не могли бы вы завернуть? — Это даже не похоже на вопрос, для дамы это само собой разумеющееся. Анна отрывает от рулона большой кусок бумаги. — Нет, не все вместе. Каждую отдельно, пожалуйста.

Анна пересчитывает стопку. Двадцать четыре штуки. Кто-то, видимо, пытается сэкономить на изготовлении адвент-календаря.

— Мне очень жаль, но мы закрылись десять минут назад, и я не могу все упаковать, — произносит Анна вежливо, но настойчиво.

— Книжки совсем крошечные, это не займет много времени.

Покупательница с недоумением пялится на Анну.

— Ну что вы, это вовсе не быстрее, чем с большими. Вы можете оставить товар, и его завтра упакуют.

— Хорошо, тогда я заберу их завтра в девять утра.

— Мы открываемся в девять.

— И что?

— Мы не успеем их упаковать.

Покупательница еще больше недоумевает. Ей кажется немыслимым, что Анна не останется еще на полчаса сегодня или не придет на полчаса раньше завтра, чтобы упаковать эти двадцать четыре книги. Для нее полдень — слишком поздно, поэтому она предпочитает завернуть подарки сама. «Но вы же дадите мне немного оберточной бумаги?» — требует дама. А еще ей нужен наш диспенсер для клейкой ленты, который мы, к сожалению, не можем одолжить.

— Это не мои книги! — Молодой человек приносит целый пакет упакованных книг. Два дня назад он долго копошился в магазине и собрал большую стопку, после чего с радостью принял наше предложение забрать упакованные книги на следующий день.

И вот он снова перед нами, с пакетом в протянутой руке. В нем нет ни одной из книг, что он купил. Галия, естественно, как обычно аккуратно наклеила этикетки на завернутые книги, и дома мужчина, видимо, захотел разобрать свои подарки и не нашел ни одного из своих приобретений.

Оливер пытается вместе с ним восстановить его покупки, и, к счастью, большая часть в наличии.

— Ведь вас зовут Майерхофер, не так ли?

— Да, все верно.

На пакете черным маркером жирно выведено его имя. Мы приносим извинения, и он относится к ситуации с юмором. Такое впервые: нам аукнулось то, что Галия не знает немецкий язык. Но кому же принадлежат книги, которые вернул херр Майерхофер?

Если перепутали целый пакет книг, значит, у кого-то под елкой, возможно, лежат совсем не те подарки?

Через два дня в магазине появляется молодой человек:

— Майерхофер. Я хотел бы забрать свои упакованные книги.

Несмотря на сильную усталость, моя голова еще неплохо соображает, и я тут же уточняю:

— Вас действительно зовут Майерхофер?

— Да. Почему вы спрашиваете?

— У вас есть брат?

— Да. Почему вы спрашиваете?

— Он тоже покупает книги у нас?

— Да. Почему вы спрашиваете?

— Да так, просто. Небольшое недоразумение. Пожалуйста. Вот ваши книги. Спасибо.

Галия не сделала никакой ошибки, и с этого момента мы стали записывать не только фамилии, но и имена на пакетах.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕНОК, ИЛИ ОЩИПАННАЯ КУРИЦА

Детям нужны традиции. Особенно в преддверии Рождества. Плетение рождественских венков, зажжение свечей по воскресеньям, адвент-календари, ботинок перед дверью для Санта-Клауса, выпечка печенья, письмо младенцу Иисусу — все это важно для детей. По крайней мере, так я считала в своей прежней жизни, до того как стала книго-торговцем.

Младший ребенок был в идеальном возрасте для рождественского волшебства: достаточно юная, чтобы верить в младенца Иисуса, достаточно

взрослая, чтобы помогать печь печенье и разучивать рождественские песни. Но когда ей едва ли исполнилось четыре года, ее родителям пришла в голову идея купить книжный магазин, и все перевернулось с ног на голову.

С тех пор дело ограничивается тем, чтобы не позволять холодильнику полностью опустеть, держать в голове номер нужной пиццерии, время от времени готовить горячую еду и следить за сном, которого должно быть не менее шести часов в сутки. В последнюю неделю ноября, когда я уже больше не могу откладывать украшение рождественской витрины, в моей ленте в «Фейсбуке»[◇] разворачивается конкурс супермамочек на лучший адвент-календарь. То есть среди всех тех, кто не работает в торговле и кто уже несколько недель размышляет над тем, как смастерить адвент-календари для своих отпрысков. Самодельные, иногда сшитые или, по крайней мере, экологичные мешочки, которые набивают полезными мелочами и шоколадом с лейблом Fair-Trade и красиво развешивают по убранным гостинным.

[◇] Здесь и далее: название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

В нашей же гостиной лежит белье, которое я не убрала в шкаф еще с последней гладильной вакханалии уборщицы. И груды книг. И рваная подушка, павшая жертвой собаки: ей, наверное, тоже не хватает внимания.

Сегодня 30 ноября, и где же этот дурацкий адвент-календарь?

Я комментирую записи супермамочек в «Фейсбуке»[◇] и принимаюсь искать холщовые мешочки с цифрами от одного до двадцати четырех. Они остались в моей прошлой жизни. Во временах, когда в ноябре после работы я ходила за рождественскими подарками для близких и всякой всячиной для адвент-календаря. Теперь же после смены, сделав себе бутерброд и выпив практически залпом бокал вина, я просто падаю в кровать.

Оливер откапывает мешочки в дальнем углу шкафа — их осталось всего двадцать три, но это неважно — и натягивает между двумя книжными полками бельевую веревку, к которой мы подвешиваем скрепками эти мешочки. В магазине находится куча маленьких полезных вещей: ластик, крошечные книжки, карандаши. Увы, дочку не впечатлить девчачьими штучками вроде заколок для волос или бантиков, но, к счастью, в начале улицы Верингерштрассе есть замечательная лавка

с шоколадом и чаем. Когда я звоню туда на следующий день в девять утра, мне стоит только представиться, и хозяйка заливается смехом: «Я уже все приготовила и забегу к вам после обеда. И да, я помню: только темный шоколад. И Санта-Клауса я тоже захвачу».

Через несколько лет младшая поддастся повсеместному ажиотажу вокруг Гарри Поттера и возьмет в свои руки организацию предрождественского периода. Она найдет в интернете адвент-календарь с Гарри Поттером. Будет только начало ноября, и, если она окажется достаточно настойчива, мы успеем сделать заказ до 1 декабря. На «Амазоне» календарь стоит 29,90 евро, и доставка через два дня, но мы, естественно, не будем заказывать там. Но и в магазине игрушек за углом этого товара нет. К счастью, ее лучшую подругу тоже охватит эта лихорадка, и ее мама отправится на поиски двух лего-адвент-календарей с Гарри Поттером. Начиная с 1 декабря, дочка каждый день с нетерпением будет ждать обеденного перерыва у наших сотрудников. Потому что они проводят его на нашей кухне, где всем желающим сделают презентацию нового предмета, который в этот день был спрятан за бумажным окошечком календаря. Вместо того чтобы спо-

койно есть суп, сотрудникам придется помогать собирать фигурки Гермионы и Рона, искать под кухонным столом маленькие биты для квиддича и красиво раскладывать все между тарелками. Им придется это делать, потому что к этому рабочему месту прилагается и моя семья.

А вот рождественский венок можно приобрести в супермаркете. Это не требует никаких особых усилий. Его можно купить и в модном цветочном магазине на соседней улице, это тоже несложно, правда, дороже. Но если ребенок ходит в детский сад с большим рвением, то следует ожидать приглашения вместе смастерить своими руками венок Адвента* под бокальчик рождественского пунша. Надо только купить соломенный венок, держатели для свечей и сами свечи. И немного украшений, но мы любим поскромнее. В магазине хозтоваров через дорогу есть все необходимое,

* *Венок Адвента* — рождественский венок круглой формы из еловых или сосновых веток, украшенный лентами и четырьмя свечами.

мне не придется ехать в гипермаркет «Баумаркт», так что должна справиться.

В детском саду расслабленные мамочки пьют пунш и закусывают домашним печеньем. Воспитатели заранее раздобыли еловые ветки, и теперь начинается радостное плетение венков. У меня из головы не выходят те десять коробок, которые мне еще предстоит распаковывать сегодня, и я смотрю на свой венок: он немного напоминает ощипанную курицу. Но я очень горжусь собой.

Ребенок любит ванильные кипферли*. И печенье с шоколадной глазурью. Все это есть в супермаркете. Но ребенок вырос на историях из Бюллербю и знает, что по-настоящему вкусное только домашнее печенье. Поэтому в воскресенье после обеда мы приглашаем гостей печь вместе. Книг с рецептами у нас предостаточно, и в субботу старший сын уже купил все необходимые ингредиенты.

* *Кипферль* — ванильное печенье в форме рогаликов, которое принято печь на Рождество в Австрии.

Это отличный повод освободить обеденный стол, который завален книгами, потому что в два часа объявятся шесть мотивированных родителей и их дети, чтобы замешивать тесто, раскатывать ванильные полумесяцы и вырезать печенье. Кто-то захватил диск с рождественскими песнями, дети в симпатичных фартучках, с румяными щечками украдкой лакомятся тестом. Мой муж добросовестно ставит в духовку один противень за другим, а соседка следит за тем, чтобы жидкий шоколад не попал на стены. На этом мои воспоминания заканчиваются.

Когда я просыпаюсь на диване в кабинете, печенье остывает на столе, на кухне царит полнейшая чистота, а по квартире негромко разносятся рождественские мелодии. Почему-то покупные ванильные киферли вкуснее, чем те, что мы испекли сами, но никто не осмелится произнести это вслух. Даже ребенок.

ДАЙТЕ МНЕ СПОКОЙНО УМЕРЕТЬ

Предрождественская неделя, пятница. Еще два дня, — и все закончится. Важный день. Сегодня через прилавок пройдут сотни книг, перекажутся сотни историй, завернутся в новогоднюю бумагу десятки книг. График расписан по минутам, всю смену мы работаем вшестером, каждому час на обед, а в остальном: работай без остановки, говори без остановки, бегай без остановки. Иногда в магазине одновременно находятся двадцать покупателей, и никто из команды ни на минуту не остается без дела, даже посещение туалета приходится согласовывать. Нельзя просто так взять и пойти в уборную, не предупредив остальных.

Еще даже нет десяти утра, я рассказываю по купательнице в отделе детской литературы про различные виды книг для первого чтения, как к моему горлу подкатывает тошнота. Мне нужно срочно убежать, и я только бросаю стоящей рядом Еве: «Пожалуйста, подмени меня, я сейчас». Я врываюсь в нашу квартиру и успеваю добежать до туалета. Там я провожу следующие полчаса, попеременно то сидя на унитазе, то свесив голову над ним и припав коленями к холодному кафельному полу. Уйти отсюда невыносимо. В какой-то момент в книжном магазине замечают мое отсутствие. Оливер поднимается в квартиру в поисках меня и осторожно приоткрывает дверь туалета. Я сижу на полу, прислонившись головой к стене, и уже двадцать минут пытаюсь придумать, как добраться до кровати. Для этого мне необходимо пересечь небольшой коридор, ванную, гостиную и кабинет — словом, миссия невыполнима.

«Дайте мне спокойно умереть». Кроме того, мне не хочется, чтобы мой муж видел меня в таком состоянии, и хотя он присутствовал при рождении нашей дочери, сегодняшняя сцена — ничего более, чем сплошное унижение.

В конце концов ему удастся уговорить меня: оперевшись на него, я плетусь в спальню. Оливер

ставит рядом с кроватью ведро, на тумбочку кладет мобильный телефон. «Если что-то случится, звони».

Что еще может случиться? Хуже, чем есть, просто невозможно. У меня нет сил даже приподнять голову — как же я должна воспользоваться телефоном? Тем более, в магазине творится настоящий кошмар, никто не сможет ответить на звонок.

Следующие два часа я провожу в таких сильных приступах тошноты, что даже не могу думать о том, какой ад разворачивается этажом ниже из-за моего исчезновения. До меня только доносятся звуки лестниц, прикрепленных к потолку, то есть прямо к полу моей квартиры с другой стороны, которые то и дело перетаскивают с места на место. Наша замечательная команда как-нибудь справится. И заодно они начнут привыкать работать без начальницы, потому что в будущем им придется обходиться без меня: всегда есть шанс, что я умру, и тогда никто не заметит, главное, чтобы расчеты сходились.

Уже, должно быть, около полудня, и я пребываю в полусонном состоянии, постоянное выливание переполненного ведра кажется самым непосильным заданием, которое только выпадало на моем жизненном пути — как вдруг передо мной возникает муж и обеспокоенно прикасается к моему

лбу. «Внизу пока что все в порядке, мы справимся. Я сбегая в китайское кафе через дорогу. Тебе что-нибудь принести?»

Одна лишь фраза «китайское кафе» вызывает новый приступ тошноты, и я с головой прячусь под одеяло.

Какое-то время спустя мне становится лучше. Не то чтобы намного лучше, но, по крайней мере, настолько, что я могу поднять верхнюю часть тела и дотянуться до мобильного телефона на прикроватной тумбочке. Я отправляю сообщение в «Фейсбуке»[◇] своему врачу. Он, конечно, не просто мой лечащий врач, но и друг по совместительству. Мы познакомились два года назад в центре помощи беженцам и теперь регулярно ходим вместе на концерты и ужинаем у наших сирийских друзей. Мы также вместе ухаживали за нашей приемной бабушкой в доме престарелых и, к сожалению, вместе провожали ее в последний путь. Так что он с легкостью может распознать, когда мне плохо.

Я всего лишь пишу: «Мне таааак плохо», а он невозмутимо отвечает: «Сейчас многие себя так чувствуют, на прошлой неделе не было ни одной свободной записи на прием».

Но мне по-настоящему плохо. Я умираю.

Если ты сидишь в «Фейсбуке»[◇], то, значит, не умираешь.

Ты плохой человек.

Нет, я врач. Хочешь, я приду?

Ты все равно ничего не сможешь сделать.

Я мог бы сделать тебе укол.

Нет уж, спасибо. Никаких уколов. Мне уже намного лучше.

Хорошо, напиши, прежде чем соберешься умирать.

Так и сделаю.

Как раз в тот момент, когда я, обессиленная, снова хочу закрыть глаза, в дверях появляется Оливер. «Мне так плохо», — вырывается из него. Лицо моего мужа пожелтело, и я отлично знаю, что он чувствует. Хорошо, что у меня наступило затишье: туалет у нас один на двоих.

Оливер устраивает для себя из рабочего кабинета за стеной больничную палату, а я сквозь дремоту продолжаю думать о нехватке персонала этажом ниже — в нашем книжном магазине, в этот важный день, в самую важную неделю в году. Зав-

тра будет еще напряженнее, но не стоит забегать вперед. Снова встать за прилавок — что-то из ряда фантастики. У меня не хватит сил ни принять душ, ни одеться. В каком же виде я предстану перед людьми?

Оба начальника вышли из строя, в магазине на два человека меньше и царит полный хаос. Сколько клиентов мы потеряем из-за того, что им придется долго ждать? Сколько книг не найдут из-за того, что ни у кого нет времени их искать?

Когда я снова просыпаюсь, на улице уже темно. Впрочем, удалось поспать три часа без позывов рвоты. Меня разбудил голодный пес, который сидит перед моей кроватью, скулит и виляет хвостом. Похоже, придется все-таки подняться: наша собака очень упряма, когда дело касается соблюдения времени приема пищи. Хорошо, что по дороге на кухню есть несколько мест, где можно присесть — наша квартира еще никогда не казалась мне такой огромной. Банка с собачьим кормом отнимает у меня последние силы: я едва успеваю открыть ее и высыпать содержимое в миску, как теряю сознание и плашмя падаю на пол кухни. К радости моего пса, который теперь не только получает свою еду, но и надеется на новую веселую игру с хозяйкой.

Я распласталась на полу, вся кухня наполнена запахом крольчатины вперемешку с бараниной и картофелем, от которого мне не становится лучше. К счастью, перед тем как отправиться в дальний путь, я сунула мобильный телефон в карман халата. Зачем, не знаю, наверное, по привычке, обычно по плохой привычке — всегда и везде иметь при себе телефон. Теперь же она меня спасает. Я звоню доктору со словами: «Можешь приехать?», и по моему голосу, видимо, ясно, что мне совсем нехорошо, потому что он не переспрашивает, не отшучивается, а только отвечает:

— Буду через пятнадцать минут.

— Хорошо. Оливеру тоже досталось.

— Ты сможешь открыть дверь квартиры? — Резонный вопрос, мой доктор обладает очень практичным складом ума и понимает, насколько мне плохо.

— Я, так сказать, лежу прямо перед ней.

— Открой и подопри ее чем-нибудь, а сама постарайся добраться до кровати. Я скоро буду.

Мне каким-то образом удастся доползти до спальни. Через пятнадцать минут у моей кровати уже стоит доктор с большой сумкой. У него есть магнитная карточка, с помощью которой он может открывать любую входную дверь, дверь же в нашу

квартиру была приоткрыта, собака его знает и спокойно впустила. Доктор приносит из кладовки лестницу, привязывает к ней пластиковый мешок с прозрачной жидкостью и втыкает мне иглу в локтевую ямку. То же самое он проделывает в соседней комнате с моим мужем, который лишь ненадолго приоткрывает глаза, и у него даже нет сил, чтобы выразить хоть какое-нибудь удивление. В течение минут сорока доктор мечется между двумя больными, проверяет, все ли протекает как положено, снова все снимает, наполняет водой собачью миску и исчезает, как добрая фея. Я крепко сплю, и мне ничего не снится. И когда я рано утром встречаю своего мужа в ванной, у него снова проявляется румянец на лице, и он с удивлением смотрит на меня.

— Мне лучше, а тебе?

— И мне. Все хорошо.

— Что он нам такое дал?

— Понятия не имею, но оно подействовало.

Не доверяя наступившему затишью, мы оба возвращаемся в постель, но через полчаса нам приходится взглянуть правде в глаза: мы выздоровели. Поэтому мы спускаемся в магазин, расправляемся с беспорядком, оставленным несчастными коллегами, распаковываем еще несколько коробок

и проверяем вчерашнюю выручку. Она оказывается очень хорошей. Когда через несколько минут появляются наши сотрудники, то они поражаются нашей бодрости и совершенному порядку в магазине. Правда, мы стали на два килограмма легче. Но это даже неплохо.

ЕСТЬ ЧТО ПОЕСТЬ? — К СОЖАЛЕНИЮ, НЕТ

Летом я иногда вспоминаю про известную детскую книжку Лео Лионни — «Фредерик». В этой истории мышонок все лето нежится на солнышке, пока его собратья делают запасы на зиму. Это их немного раздражает, но зимой, когда за окном морозно и темно, наступает звездный час Фредерика: вместо зерен, початков и ягод он собирал солнечные лучи, тепло и красивые истории, которыми скрашивает теперь долгий холодный сезон для мышинового народа.

Мы тоже могли бы делать небольшие запасы летом. Сколько всего можно заготовить, чтобы потом разморозить в декабре! Соус для спагетти, кнедлики, рагу, супы, лазанью — все это идеально

подходит для того, чтобы облегчить нам жизнь. Но кто думает о Рождестве в августе? Да и зачем? На улице тепло и хорошо, в свободное время мы купаемся в Дунае, ездим на природу или ходим с друзьями в хойригеры*. Почему нас должна волновать зима?

Но неожиданно она оказывается на пороге: рождественские продажи и с ними один и тот же вопрос каждый день: как успеть приготовить что-нибудь горячее в обеденный перерыв, съесть это и подремать на диване четверть часа? Никак, поэтому в ход идут тосты с маслом, через дорогу есть приличная китайская еда навынос и хороший ливанский ресторанчик, а еще, к счастью, у нас есть морозильная камера.

Дочка немного страдает от недостатка работы. Иногда она встает рядом со мной за прилавок, я даже не замечая ее из-за количества покупателей, и она молча ждет, пока откроется касса, чтобы вытащить оттуда пять евро. И уже через десять минут по магазину разносится запах кебаба.

Однажды она решает слегка надавить и отправляет мне из школы сообщение в «Вотсапе»[◇]:

Есть что поесть?

* *Хойригер* — традиционный для восточной части Австрии винный погребок, в котором подают молодое вино.

К сожалению, нет.

Ладно.

Я не сдерживаюсь и делаю пост скриншота этого диалога на своей странице в «Фейсбуке»[◊]. В считанные минуты соседи заваливают приглашениями на обед для дочки. Сработало.

Раз в неделю после уроков она ходит поест к подруге из своего класса, а по четвергам провожает домой восьмилетнего Фердинанда с тренировки по карате. Делает она это не только из большой любви к нему, но и потому, что его папа — талантливый кулинар и у него на плите всегда что-нибудь готовится.

— Знаешь, есть такие мамы, которые могут просто так взять и испечь торт! Не потому, что у кого-то день рождения, и даже не потому, что выходные! Возвращаешься из школы, а дома тебя ждет большой шоколадный торт. Просто так. — Она тычет меня в это носом и заливается озорным смехом, я же звоню этой самой мамочке, о которой идет речь. Она мама не на полную ставку, потому что руководит отделом внутренней политики крупного новостного журнала.

— Слушай, что у вас за правила? Торты по вторникам?

Она виновато смеется и отвечает:

— Да просто журнал выходит по понедельникам, поэтому во вторник я могу устроить передышку. Извини!

Нам приносят много печенья, шоколадок, а иногда и целые пироги. Время от времени фрау Герль заглядывает с мандаринами для каждого сотрудника или двумя маленькими пакетиками каштанов из лавки за углом. Каждый год кульминацией этого вкусно-го потока угощений становится жестяная коробка, которую приносит моя подруга Сильвия. Ванильные кипферли, ромовые шарики с посыпкой и без, линцские глаза*, кокосовые поцелуйчики**. Каждый год она печет их вместе со своей мамой. Я понятия не имею, сколько она их печет и кого ими угощает. Хотя это и неважно, главное, что они попадают к нам.

Но тут происходит нечто такое, что кардинально все меняет: партия зеленых побеждает на му-

* *Линцские глаза* — австрийское круглое печенье диаметром 8–10 см из так называемого линцкого теста.

** *Кокосовый поцелуйчик* — кокосовое печенье к Рождеству в Австрии.

ниципальных выборах в Вене, и Сильвия занимает должность главы района. Внезапно она становится кем-то вроде мэра города средней величины — столько жителей в Веринге. Мы, конечно, не можем за нее не радоваться, но в начале декабря к нам закрадываются тревожные мысли. А будет ли в этом году печенье? Найдет ли она время печь вместе с мамой, ведь теперь ей приходится постоянно заниматься дорожными работами, введением одностороннего движения и парковками для жителей? Привычная дата доставки жестяной коробки уже позади. И пусть на неделю позже обычного, но нам удастся вздохнуть с облегчением. Все на месте: печенье от главы района. Вкусное, как и всегда.

Некоторым из тысяч людей, прочитавших мою книгу о том, как я открывала книжный, вероятно, запомнились переполненные драмой рождественские главы, и они стали предлагать нам свою помощь. В подсобке теперь непрерывно растет гора печенья и шоколадок, которые приносят постоянные покупатели, чтобы мы могли «заесть стресс».

Это классно, безумно приятно и очень кстати. Но еще лучше, когда нам приносят «настоящую» еду. Мои сирийские друзья угощают нас маклюбой и шейх аль-махши, а одна пожилая женщина после похода по магазинам ставит на наш прилавок большой бумажный пакет. «Я подумала, что вам нужно подкрепиться нормальной пищей!» Внутри — целый жареный цыпленок из мясной лавки в десяти домах от нас, только что с гриля и еще не успел остыть, и картофельный салат. Мы даже не утруждаем себя тем, чтобы взять тарелки и столовые приборы. Курицу можно разорвать руками в подсобке, а картофельный салат съесть чайными ложками.

На выручку также приходит доктор, ведь у него по пятницам выходной, так что он может готовить для долгого рабочего дня в субботу. Ему это нелегко дается, потому что он принадлежит к поколению простой домашней еды, куда наша команда совершенно не вписывается. Что-нибудь вегетарианское или веганское, без лактозы, без глютена, без орехов, не острое — условия, которые нужно учесть, чтобы не оставить никого голодным. К счастью, в распоряжении у доктора есть отлично укомплектованный книжный магазин, поэтому уже в ноябре он приступает к изучению нашего раздела кулинарных книг. Он находит

то, что искал, и готовит для нас вегетарианский вариант венского картофельного супа. На следующий день Тереза встречает его словами: «Суп был настолько прекрасен, что я расплакалась». Что ж, теперь доктору придется готовить его до конца своих дней...

А один известный невролог имеет привычку приходить чуть позже шести и робко стучать в дверь. Мы его знаем и обычно с радостью открываем. Главный врач — один из наших первых покупателей. В те времена мы еще мало кого знали, и я помню, как однажды в субботу утром он появился на пороге нашего магазина с выпечкой из Trzesniewski* и, расплываясь в улыбке, протянул ее нам через ожидающих своей очереди покупателей. «Поддерживаю культуру», — так он прокомментировал свою тогдашнюю акцию.

И вот сегодня уже 17 декабря, по ощущениям я успела пересказать десять тысяч романов, поэтому после небольшой уборки мне хочется растоптаться перед экраном телевизора с лапшой и бокалом красного вина. Мне совсем не хочется разговаривать, даже с очаровательным доктором.

* *Trzesniewski* — известная сеть булочных в Вене.

Но, конечно, мы впускаем его. Конечно, мы помогаем подобрать подарки на Рождество. Конечно, я упаковываю все в подарочную бумагу. После чего он спрашивает:

— Чем вы планируете заняться?

— Разберем доставленный сегодня товар, — отвечает Оливер.

— А я уберу книги, разбросанные повсюду, — добавляю я.

— Вам просто необходимо что-нибудь поесть!

— Мы быстро сделаем бутерброды и будем дальше работать.

— Так не пойдет, — бормочет он и достает из кармана мобильный телефон, чтобы заказать такси. Всего через десять минут мы уже сидим в уютном фриульском ресторанчике за ратушей — доктор, судя по всему, здесь завсегдатай, и для него нашли столик, несмотря на рождественское скопление гостей. Мы заказываем воду и вино, поленту, фрико с картофелем, а на десерт — па-накоту. Примерно через час наши короткие итальянские каникулы подходят к концу, доктор, расплатившись, снова вызывает такси. И немного погодя Оливер оказывается за столом для распаковки, а я расставляю на полке книги в обложке по алфавиту.

Другие друзья приглашают нас на ужин к себе домой. По вечерам. После девяти часов за прилавком и перед ночной сменой Оливера. Мы принимаем приглашение только от близких друзей — тех, кто сможет стерпеть, что мы просто придем, ничего не принесем с собой, сядем, поедим, выпьем, практически не обронив ни слова, и снова уйдем. Теплая комната, вино, сытная еда и, пожалуйста, никаких разговоров. Чтобы даже не нужно было слушать. У нас есть такие друзья, хотя их немного. Такие, которые знают, что с начала января по конец ноября мы полностью в их распоряжении, но с 1 по 23 декабря — полностью выпадаем.

Фрау Кнехт приглашает нас на куриный паприкаш. Это блюдо в ее исполнении — с густым соусом и шпецле* собственного приготовления — получило широкую славу. Я с полной уверенностью хожу к ней что в декабре, что по субботам, потому что мы хорошо и давно знаем друг друга, можем часа-

* *Шпецле* — макаронные изделия в Австрии и некоторых регионах Германии.

ми напролет сплетничать или просто вместе молчать. Однако этот вечер от остальных отличают две детали. Во-первых, со мной приходит Оливер, что необычно, ведь Кнехт — моя подруга (но тут играет немаловажную роль и наличие куриного паприкаша...). Во-вторых, по длинному коридору нас ведут не на кухню. Мне очень по душе кухонный уголок Кнехты: на нем можно сидеть, лежать, есть, много пить, писать... — отлично подходит для уставших людей. Но нас ведут в гостиную. Еще в коридоре до меня доносятся чьи-то голоса, точно не их детей. Они бы мне не помешали. То есть они тоже могут утомить, как и положено четырнадцатилетним, но я отлично знаю этих ребят и люблю, поэтому могу смириться с их присутствием в такой вечер. К тому же подростков с потребностью поговорить можно легко игнорировать: они обычно не ждут ответа.

В гостиной, переполненная чувством радости и предвкушения, сидит одна из давних подруг Кнехт, и вместе с ней ее муж и ребенок. Ребенок — молчаливый четырнадцатилетний подросток, муж — немногословный фюфенбергер*. Но эта подруга болтает так, как будто это последний день в ее жизни. Я знаю Дж. по посиделкам у костра в Вайнфиртеле.

* *Фюфенбергер* — житель или уроженец Фюфенберга, района Австрии.

Она веселая, милая, умная и чуткая, и с ней приятно сидеть у костра, завернувшись в плед, и смотреть на звездное небо. И часами говорить о ее проблемах, о его проблемах, о проблемах детей, о проблемах Кнехт и о многом другом, и мне нравится это делать. Но, пожалуйста, только не сегодня! Не в день, когда мы пересказали содержание пятисот книг. Не в день, когда у нас звенит в ушах и мы не уверены, это последствия шума на протяжении всей смены или симптомы начинающегося тиннитуса*.

Они втроем уже выпили бутылку просекко, Кнехт приносит блюдо с цыпленком, и все набрасываются на него, а Дж. продолжает болтать без умолку. Чудо, что она не подавилась косточкой. Она даже не замечает, что мы с Оливером совсем не отвечаем. Я, естественно, не помню, о чем Дж. говорила, наверное, о чем-то забавном и смешном, и уверена, в остальные одиннадцать месяцев в году меня бы это заинтересовало. Но мы, несмотря ни на что, запикиваем в себя еду, время от времени киваем головой, и, доев, Оливер убегает на балкон с пивом, хотя на улице мороз и он не курит. В какой-то момент я перебираюсь на диван, прячусь под шерстяной плед и смотрю с девочками видео на «Ютьюбе».

* *Тиннитус* — постоянный или периодический звон в ушах, часто сопровождаемый снижением слуха.

Тот вечер остался в далеком прошлом, и с тех пор у меня было немало приятных встреч с Дж., как у вышеупомянутого костра, так и на прошлой новогодней вечеринке. Но мне передали, что я заразила всю ее семью тяжелым желудочным вирусом (Кнехт утверждает, что ее сын бесконечно благодарен мне за то, что ему не пришлось ехать к бабушке). Чтобы избежать недоразумений: дорогая Дж., это не было мстью!

Через год меня снова пригласили на куриный паприкаш, но на этот раз — одну, там не было даже детей. Мы сидели на моей любимой угловой скамье на кухне, ели, молча пили белый шпритцер. Кнехт заранее приготовила для меня запасные домашние штаны, и после ужина мы переместились в спальню: большая кровать, большой экран, большая миска арахиса и большая плитка шоколада. Две серии «Короны»*, и ночью мне снится, что я принцесса и декабрь миновал.

* «Корона» — имеется в виду исторический драматический телесериал 2016–2023 гг., посвященный царствованию королевы Великобритании Елизаветы II.

КАК БЫ ТЕБЕ ХОТЕЛОСЬ ОТПРАЗДНОВАТЬ СВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ? — В ТИШИНЕ

Мне никогда не нравилось, что мой день рождения за несколько дней до Рождества. В детстве — потому что все подарки получала за одну неделю, а потом целый год ничего. В подростковом возрасте — потому что бабушка к тому времени была уже немного забывчива и дарила моей сестре по сто шиллингов на день рождения в октябре и на Рождество. Я же часто получала сотню только один раз, со словами: «Это на день рождения и на Рождество вместе».

Но я спокойно к этому относилась, в какой-то момент день рождения потерял свою важность,

а потом все равно всему наступил конец: я стала книготорговцем. Никакого кофе в постель, никаких утренних роз, никакого домашнего праздничного торта, никакого романтического ужина с любимым человеком и редкие подарки — вот так выглядит день рождения книготорговца, которая замужем за книготорговцем и которую угораздило родиться в декабре.

В первый год мы просто напрочь забыли о моем дне рождения. Оливер еще жил в Гамбурге, ему нужно было отработать на прежнем месте прописанный в договоре срок, старший сын был с ним, а маленькая дочка еще не разбиралась в датах. Друзья-врачи, у которых мы тогда жили, пока в нашей новой квартире шел ремонт, дежурили по ночам, и больше никто не знал о моем празднике. Я же просто забыла о нем, и только когда мой отец позвонил вечером, я снова вспомнила: у меня сегодня день рождения. По идее, я должна была отмечать и окружающие — вместе со мной. Но никто не поднял бокала за мое здоровье, а у меня на это совершенно не было сил. Но это не-

важно. Зато у меня был свой собственный книжный магазин. Это и есть настоящий подарок.

На следующий год все немного улеглось, и как-то во время маленького перерыва между двумя покупателями муж шепотом спросил меня:

— Как бы тебе хотелось отпраздновать свой день рождения?

— Хоть как. Главное — в тишине.

— Хочешь, сходим куда-нибудь поужинать?

Я на мгновение задумалась. Пойти поужинать — значит провести вечер не в домашних штанах и поношенном свитере. Эта мысль меня пугала. Кроме того, сил бы не хватило, чтобы сходить в ближайший ресторан, ведь нужно было бы выбраться из нашего района. А это, в свою очередь, грозило неизбежную встречу хотя бы с несколькими из наших покупателей.

— Давай лучше закажем!

Закрыв книжный, Оливер купил бутылку хорошего вина и принес несколько блюд из китайского кафе. Мы расправили диван перед телевизором,

растянули большое покрывало, расставили вокруг себя бесконечное количество маленьких тарелок и устроились на подушках, чтобы посмотреть экранизацию романа «Приди, сладкая смерть» на DVD-диске, и, пусть очень уставшая, я была счастлива. Идеальный день рождения!

За несколько следующих лет книжный магазин успел увеличиться по своей площади с сорока квадратных метров до гигантских шестидесяти, даже появилась небольшая подсобка. После ремонта в магазин стало приходить больше людей, и оборот с тех пор постоянно увеличивается. Это, безусловно, здорово, разве можно жаловаться на то, что продажи растут с каждым годом? Но это также означает, что нам приходится обрабатывать все большее количество заказов. До конца года новая подсобка тогда казалась чистой роскошью, зато в декабре ее все равно не хватало, чтобы справиться со всеми заказами в разумные сроки. Несмотря на то что на этот период мы увеличиваем ящик для сбора заказов

в три раза по сравнению с остальными месяцами, новые книги мы можем сортировать только после того, как будут собраны заказы за предыдущий день, то есть поздно вечером. И все равно места не хватает. Поэтому Оливер стал принимать товар исключительно после закрытия магазина, так что в разгар рождественских приготовлений ему приходится оставаться на работе до утра. Потом я подменяю его, и он может спать до полудня, затем решать самые важные дела в офисе, чтобы с шести вечера снова приступить к ночной смене. После закрытия я обычно немного прибираюсь в магазине. И с этого момента я свободна, ведь весь следующий день мне предстоит стоять за прилавком и излучать радость и воодушевление. Это — важная часть атмосферы, царящей в магазине.

Поэтому я отправляюсь домой, ужинаю с ребенком, запускаю стиральную машину и в конце концов засыпаю перед телевизором. В какой-то момент я добираюсь до кровати и пытаюсь заснуть снова, что оказывается не так-то просто: в голове не перестают крутиться заказы покупателей и назойливые мысли о том, не забыла ли я что-то важное. Точнее, я уверена, что забыла, но не могу вспомнить, что именно.

И снова наступает мой день рождения. Накануне вечером муж ненадолго заключает меня в свои объятия со словами: «К сожалению, у меня нет для тебя подарка».

«Не бери в голову», — отвечаю я и с нетерпением жду момента, когда можно будет лечь спать.

Утром Оливер будит меня с чашкой кофе и маленькой свечкой: «С днем рождения, любимая. Мне очень жаль, но тебе пора просыпаться: в магазине нужно убраться, я не успел». Мне с трудом удастся вылезти из теплой постели, в которую падает мой муж и мгновенно засыпает. Я же спускаюсь с огромной чашкой кофе с молоком по лестнице и переступаю порог собственного книжного магазина — мечты всей моей жизни. В торговом зале стоят семь коробок, отсортированных в алфавитном порядке по фамилиям покупателей, и в лучшем случае только половина из них поместится в ящике для заказов. Рядом возвышаются две башни из других набитых до отказа коробок. Это повторные заказы, которые еще

нужно рассортировать по полкам в магазине. Бестселлеры на большом столе спереди, книги в обложках в алфавитном порядке, кулинарные книги, книжки-картинки — здесь можно найти издание из любого отдела, и хотя мы каждый день продаем невероятно много товара, место на полках не то чтобы освобождается.

Сейчас полседьмого, мы откроемся в девять, и тогда влетят первые покупатели... Я сажусь на небольшую красную скамейку в задней части магазина и уже не сдерживаю слезы. Не так я все представляла, и мечта о собственном маленьком уютном магазине книг стала кошмаром наяву. Меня охватило чувство безысходности: как же мы справимся? Страхи роились в голове и не отпускали меня. Но пути назад не было: как и при восхождении на гору, на середине пути нельзя заявить, что больше не хочется, и остановиться. В восемь приходят две сотрудницы, Ева вообще-то по графику должна начать в полдевятого, но каким-то образом она, видимо, почувствовала, что не помешало бы прийти чуть раньше. Обняв меня, она произносит: «Ну что ты, мы справимся», — и отправляет свою начальницу на полчаса погулять с собакой. Когда я возвращаюсь за пять минут до открытия магазина, большая часть книг уже

убрана, остальное спрятано в офисе, и вся команда в сборе. Маленькое чудо ко дню рождения. Покупатели радостно входят в магазин, и мы встречаем их в отличном настроении. Я снова в строю, до обеденного перерыва остается всего пять часов.

Вообще-то я плохо считаю, у меня трудности с цифрами, и я очень горжусь собой, когда удается не забыть дни рождения своих детей, точнее, когда могу подсчитать, сколько им исполняется. Но этим летом придется смириться с реальностью: мне исполняется пятьдесят лет. Пятьдесят звучит как-то угрожающе. Пятьдесят — практичная короткая стрижка, ортопедическая обувь и признаки климакса. Я не хочу, чтобы мне исполнилось пятьдесят, но так как мой день рождения из года в год остается незамеченным, может, мне удастся проигнорировать свой юбилей. Я продолжаю так считать, пока моя подруга Хайди не обращается ко мне в сентябре:

— Дорогуша, тебе в этом году исполнится пятьдесят.

— Нет, не исполнится.

— Ты не собираешься праздновать?

— Во-первых, мне не исполнится пятьдесят, а во-вторых, я буду праздновать как всегда. То есть никак.

— Ты сошла с ума! Ты не можешь провести свой пятидесятилетний юбилей в одиночестве перед телевизором!

— Прекрати постоянно повторять это слово!

— Какое? Телевизор? Нет, серьезно, послушай. Ты забронируешь столик в уютном ресторане, и твои лучшие друзья соберутся на ужин. Но только самые близкие.

— Но я не могу ни с кем разговаривать в свой день рождения.

— Неважно. Приглашай только тех, кто, как ты уверена, принимает твою странность. В свой день рождения ты не можешь вести беседы из-за усталости.

Я отлично понимаю, что Хайди не отстанет, пока я не назову ей какое-нибудь заведение и количество гостей. Поэтому я сдаюсь и составляю в голове список лучших друзей. Тех, с кем бы мне хотелось провести этот день. Тех, рядом с кем я не буду переживать, что устала и не в состоянии разговаривать. Тех, кто всегда готов прийти на помощь и запросто обращается ко мне, когда нуждается

в поддержке. Список становится все длиннее и длиннее, потому что лучших друзей у меня, конечно, не пять. Я останавливаюсь на двадцати и бронирую большой стол в замечательном сирийском ресторане, ставшем частью интеграционного проекта. Владелица делает мне щедрую скидку.

И вот я сижу посреди этой разношерстной компании, которая является частью моей жизни, уставшая, но безумно счастливая. Не так уж и плохо быть пятидесятилетней. И не так уж и плохо быть книготорговцем. Даже в декабре. На самом деле я все сделала верно.

ПОЖАЛУЙСТА, КНИГУ ИЗ ТЕЛЕВИЗОРА. ОНА БЫЛА ЗЕЛЕНАЯ

На первых порах все казалось безобидным. Несколько новых покупателей, четко распределенных в течение дня, побольше денег в кассе. Первые крупные заказы. Первые нервные вопросы «А успеет ли прийти книга?» И что они себе придумали, ведь до Рождества еще несколько недель!

Продаешь чуть больше книг, чем обычно, чаще заворачиваешь в упаковочную бумагу, подробнее пересказываешь истории, и на самом деле все не так уж и сложно. Почему же в прошлом году все казалось таким непосильным? Почему я так отчетливо помню, как валилась с ног от усталости? Откуда она взялась? Уверена, все из-за того, что

мы не успели организовать свою работу. В этом году будет лучше. Я не сомневаюсь.

Но вдруг наступает этот момент. Момент, когда я точно знаю, что все плохо. Я возвращаюсь с обеденного перерыва — после целого часа в тихой квартире, где я похлебывала суп с книгой в руках и двадцать минут отдыхала в затемненной спальне. Будильник вырывает меня из глубокого сна, я делаю себе эспрессо, провожу расческой по волосам и надеюсь, что никто не заметит следов подушки на моем лице. Ничего не подозревая, я спускаюсь по лестнице в магазин. В подсобке меня встречает совершенно замученная сотрудница, и на мой вопросительный взгляд она лишь пожимает плечами. Через маленькую дверь я вхожу в магазин и отшатываюсь назад. Момент наступил: проход в переднюю часть зала загромождает стена из людей. Кто-то расслабленно листает книги, кто-то нервно оглядывается по сторонам, перед полками на полу сидит мужчина с книжками-картинками и наугад вытягивает их. И вдруг меня замечают.

— Извините, вы свободны?

— Мне нужна помощь!

— Вы это читали? Хорошая?

— Фрау Хартлиб! Хорошо, что вы пришли, мне нужна именно ваша рекомендация.

Я перегораживаю путь одному покупателю, который пытается пробраться в подсобку со словами «Мне нужно забрать свой заказ». Посреди всей этой суеты я замечаю своих сотрудников, с головой в работе, и мне не протиснуться к ним: настолько магазин набит.

Конечно, я понимаю, что жаловаться не стоит. Такое количество покупателей в магазине — большая удача для любого книготорговца, ведь во времена интернета это перестало быть чем-то само собой разумеющимся. Но их так много! И они продолжают тянуться к нам в поисках идеального подарка для мужа/жены/дочери/тестя. Нам нужно что-то придумать за них, найти это, снять с покупателей любую ответственность за принятие решения и красиво упаковать. Возьмите, пожалуйста.

Как бы мы плакали, если бы магазин пустовал в декабре. Нет, мы бы не плакали, потому что если бы магазин простаивал в декабре, его бы просто-напросто не существовало. Не существовало бы ни одного книжного магазина, если бы кому-то вдруг

пришла в голову идея отменить Рождество. Или подарки на Рождество.

Поскольку я не умею считать и не разбираюсь в цифрах, муж объясняет мне на простом языке:

— Первые одиннадцать месяцев все, что мы зарабатываем, идет на покрытие расходов: аренду, коммунальные счета, транспорт, страховку, кредиты, зарплаты сотрудников. Декабрьский доход — наша собственная зарплата за целый год.

— Но ведь мы каждый месяц берем что-то на жизнь.

— Да, нам приходится это делать. Но именно в декабре становится ясно, заработали ли мы это на самом деле.

Мой муж обожает арифметические игры и в начале декабря подсчитывает, сколько книг успеет пройти через наш прилавок до 24 декабря. Цифра получается почти невероятная. Практически все содержимое книжного магазина будет продано. После этой информации на поверхность всплывает наша главная проблема — нехватка места и сложности с логистикой.

Магазин набит книгами, которые в преддверственный период постоянно приходится до-
казывать — ежедневно, — потому что у нас нет
места для их хранения (так было до появления скла-
да). Другими словами, отдельные книги в облож-
ках, книги издательства «Реклем»*, путеводители,
книжки-картинки — они все каждый день раску-
паются, и их приходится заказывать снова и снова
с доставкой на завтра. Книги принимают ночью,
то есть их доставляет транспортная компания,
после чего их вынимают из коробок, маркируют
нужными ценниками, вводят в систему управле-
ния товарами и рано утром выставляют на полки.
И снова продают. И снова заказывают. И так далее.
Важно правильно определить момент, чтобы ра-
зорвать этот замкнутый круг, потому что все, что
останется после 24 декабря, попадет в резерв, а это
нехорошо. Книги, которые расходятся как горячие
пирожки, мы заказываем в огромном количестве:
те, что появились в продаже в августе и в сентябре,
когда мы еще размышляли, заказать ли пять экзем-
пляров этих книг, теперь стали бестселлерами, и мы
заказываем их столько, сколько можем достать
и вместить у себя. Чтобы сделать повторный заказ,

* Книги издательства «Реклем» — небольшие тонкие изда-
ния классики.

нужно позвонить представителю издательства и с надрывом в голосе выпалить: «Нам срочно необходимы еще пятьдесят Леки к завтрашнему дню!» У этой «Леки», конечно, есть имя — Марьяна Леки*, а у ее книги — название. Но оно слишком длинное, и представителю достаточно одного слова «Леки», чтобы понять, о чем идет речь.

Книга вовсе не нашумевший бестселлер по своей сути, а спокойный, несколько закрученный роман, который не так уж легко продать. Ни в коем случае нельзя пытаться пересказать сюжет, иначе книгу никто не купит. Когда она вышла летом, мы, как это часто бывает, посадили друг друга на нее. Кто-то из нас прочитал этот роман, нашел в нем то, что искал, потом прочитали еще несколько коллег, и им он тоже показался особенно хорошим. Первые клиенты, которым порекомендовали эту книгу, вернулись через три дня и с просветленным взором вымолвили: «Пожалуйста, дайте что-то такое же», а заодно купили роман для друзей... И получается, мы сами сделали из него бестселлер, о котором до нас никто не знал. Не Ферранте**,

* *Марьяна Леки* — немецкая писательница, автор романа «Что видно отсюда».

** *Элена Ферранте* — псевдоним известной итальянской писательницы, автора тетралогии «Неаполитанский квартет», переведенной на 45 языков.

не Майерхоф*, не Менассе** и не Кельман***, нет, неизвестная писательница из Берлина, придумавшая историю о странной маленькой деревушке в Вестервальде. Может, это и странно, но именно за такие открытия мы и любим свою работу. За такую непредсказуемость: в декабре за пару дней мы неожиданно продаем тридцать или пятьдесят экземпляров книги, хотя еще в сентябре сомневались, что с прилавка уйдет хотя бы несколько штук.

У книг, которые легко пересказать, больше шансов, что их купят. Кроме того, маленький размер магазина — большой плюс: всегда кажется, что здесь много народу. Поэтому, когда я пересказываю какой-либо сюжет, одновременно слушают несколько человек. И поскольку хорошо известно, что ничто не привлекает так, как дефицит, я часто беру книгу в руки и делаю вид, будто это последний экземпляр. Когда он попадает в стопку покупателя, не проходит и минуты, как кто-то уже спрашивает: «А у вас еще есть? Я тоже хочу такую».

* *Йоахим Майерхоф* — немецкий актер, режиссер и сценарист.

** *Роберт Менассе* — австрийский поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

*** *Даниэль Кельман* — австрийский и немецкий писатель, автор нашумевшего интеллектуального романа «Измеряя мир».

Конечно, невозможно прочитать все, что поставляют издательства, но мы стараемся. Так как нас сейчас довольно много, а вкусы у сотрудников разные, то удастся покрыть приличное количество изданий. Обычно достаточно лишь сказать, что коллеге очень понравилась эта книга. Самое главное правило — никогда не врать. Ладно, так и быть: никогда сильно не врать. Можно лишь время от времени немного привирать. И к настоящему моменту мы отлично усвоили: ни в коем случае не судить книгу по первым двадцати страницам. Совершенно ясно, что каждую книгу не дочитать, но стоит хотя бы, пропустив несколько страниц, прочитать концовку. Потому что некоторые истории, с первых глав имитирующие безобидную семейную сагу, оказываются специфическими любовными романами. А в произведении, которое начинается весело и безмятежно, в конце иногда умирают все персонажи, а вы уже несколько недель напролет продаете эту книгу как веселое чтиво для кон-

сервативных старушек. По крайней мере, еще ни разу никто не возвращался и не жаловался. Быть может, пожилые женщины более открыты, чем мы себе представляем...

В отличие от бестселлеров книги с рецептами у нас в магазине не собираются в стопки: они расставлены в единственных экземплярах на полках и дозируются по мере необходимости.

Я показываю фрау Л. поваренную книгу в красивом оформлении и добавляю, что многие блюда по рецептам из нее я уже испробовала. Фотографии потрясают воображение. За спиной покупательницы стоит тучный херр Примар и с любопытством заглядывает ей через плечо.

— Мне тоже такая нужна, — кратко произносит он.

Но сегодня 22 декабря, и до дня икс нового товара не ожидается. Если еще пять минут назад фрау Л. сомневалась в покупке этой дорогой книги, то теперь, столкнувшись с конкуренцией, она твердо намерена уйти из книжного магазина с этим изданием в руках. Примар пытается

всеми способами отговорить ее. Сначала с помощью обаяния. Затем предлагает заплатить на десять евро больше. Я, конечно, на это не соглашаюсь, да и фрау Л. остается непреклонной. От моего предложения купить книгу на двоих он приходит в восторг и приглашает ее на кофе. Фрау Л. слегка заливается краской, мгновение колеблется и с очаровательной улыбкой выходит из игры:

— Мои четверо детей остались дома одни, боюсь, мне пора уходить.

Конечно, на Рождество всегда найдутся люди, которых не устраивают рекомендации вроде: «Возьмите эту книгу. Просто замечательная история». Такие клиенты приходят к нам с четкими идеями, и даже если не знают, существует ли книга, которая соответствует этим идеям, не оставляют нас в покое так долго, что мы уже готовы сами изобрести такую книгу. По большей части это не постоянные покупатели, потому что те-то доверяют нам слепо. Они слушают наши рекомен-

дании круглый год, так почему же не поверить, что и рождественский подарок для их близких мы можем подобрать?

Первые, как я уже говорила, совершенно точно знают, каким должен быть их подарок. Звучит это примерно так: «Я ищу приключенческий роман для пятнадцатилетнего подростка. Но с консервативными ценностями». Что это вообще такое — приключенческий роман с консервативными ценностями? И какой пятнадцатилетний подросток захочет его читать? К счастью, мне лично не доводилось сталкиваться с подобными запросами: я бы потеряла дар речи, и на ум бы не пришло ни одного названия — ни приключенческого, ни ценностно-консервативного. Для таких запросов отлично подходит Петер, внешне он кажется истинным консерватором — все-таки изучал теологию. Краем глаза я вижу, как он берет с полки «Моби Дика», Стефана Цвейга и Достоевского, делает глубокий вдох и приветливо улыбается покупателю.

Но через несколько часов достается и мне: «Умная научно-популярная книга для очень образованной дамы, но только никаких левых мировоззрений». Время десять минут седьмого, моя смена длится уже девять часов, ну ладно,

восемь, час ушел на обед. Я чуть не заливаюсь слезами, заикаясь, пытаюсь объяснить, что «мы уже закрыты» и у меня назначена важная встреча. Но покупатель не унимается. «Вы же в прошлом году рекомендовали для нее что-то такое замечательное, не помните?» Э-э, к сожалению, нет. Ничего не приходит в голову. Какая-нибудь безобидная история, может быть, та замечательная книга о Дунае? В конце концов, Дунай — это не политика, не так ли? Но покупатель находит ее скучной. Новое издание об эпохе Возрождения? Слишком толстое и слишком дорогое. Нужен небольшой подарок, просто знак внимания. Карты исчезнувших миров? Какая глупость.

Моя коллега, которая осталась, чтобы пересчитать кассу, ликует на заднем плане, и ей явно любопытно, как я выкручусь из этой ситуации. Ничего левого! Я, которая в молодости активно участвовала в троцкистском студенческом объединении, которая научилась писать, работая в левой ежемесячной газете, которая была настолько вовлечена в последнюю президентскую избирательную кампанию, что меня на улице останавливали мои покупатели. Почему это свалилось именно на мою голову? Кто придет на помощь? В конце концов я сжимаю в руках

толстый том «Путешествие европейца через XX век» писателя из Нидерландов Геерта Мака. Одна из моих любимых нехудожественных книг. Ее можно читать часами, прекрасно проводить время и одновременно узнавать много нового. Он скептически соглашается, видимо, чувствуя, что я просто больше не могу ничего подобрать. Мне предстоит завернуть ее, ведь только упакованная книга — хорошая книга, и когда я наконец закрываю за ним двери, у меня возникает ощущение, что этим история не закончится.

И действительно: несмотря на то, что на следующий день я пользуюсь привилегией начать позже и прихожу только в десять, меня уже дожидается мой первый покупатель — и это он! Со словами «Это, к сожалению, совсем не та книга, что нужно. Она совсем не подходит» он кладет вчерашнюю покупку на прилавок. Подарочную бумагу он снял, но книга по-прежнему упакована в пленку: что он мог увидеть в ней такого, что не увидел вчера? Анна замечает мое отчаяние, встает между мной и покупателем и придумывает для начальницы важный звонок в подсобке.

Несмотря на то что нам постоянно удается балансировать между вдумчивым консультированием и предотвращением скопления людей и большинство готово терпеливо дожидаться своей очереди, конечно, всегда находятся те, для кого все происходит недостаточно быстро, те, кто считает, что кого-то другого обслуживают лучше. Как правило, такие покупатели протискиваются к одному из сотрудников, полностью игнорируя всех вокруг, и при этом долго пытаются сформулировать свои пожелания или бесконечно роются в огромной сумке в поисках записной книжки. За это время мы уже научились точно вычислять «проблемных», мы буквально чувствуем, когда в комнате появляется человек в плохом настроении, обычно для этого не нужно даже слов. Достаточно вздернутой брови, нервного переступания с ноги на ногу, громкого вздоха.

Вот я пытаюсь объединить в группу трех человек, которые хотят купить книгу для своих све-

кровей, чтобы не пересказывать одно и то же три раза, как вдруг краем глаза замечаю, что перед Леной возникает пожилая дама в дорогом меховом пальто.

— Я бы хотела все три книги, которые вчера обсуждались на шоу у Скобеля*.

Лена бросает на нее недоумевающий взгляд — и я чувствую, как назревает конфликт, хотя и нахожусь на другом конце зала. Лена принимается набирать в интернет-поисковике имя Скобеля, по ее лицу видно, что она не уверена в его написании. Покупательница стоит близко к моей сотруднице и скептически наблюдает за ее действиями.

— Вы что, не знаете? Вам положено знать, какие книги обсуждались.

— К сожалению, я не знаю. Но если вы подождете, я уже начала искать. Вы знаете название канала, где показывают это шоу?

— Нет, не знаю! А вот вы должны бы это знать. В конце концов, вы здесь работаете, а не я.

— Но существует много разных передач о литературе.

* Речь о еженедельной просветительской телепередаче о науке, культуре и обществе. Ведущий — немецкий тележурналист, писатель Герт Скобель.

— Глупости! Их не так много. И вы должны их все знать или по крайней мере иметь список перед глазами.

— У нас нет списка всех литературных программ.

Лена кажется немного раздраженной, и я бы очень хотела прийти ей на помощь, но не могу оторваться от своего дела. Да и, пожалуй, начальнице не стоит в это вмешиваться.

— У меня и телевизора-то нет, — добавляет Лена.

— Это уже наглость! Тогда вам здесь не место, если вы настолько некомпетентны.

— Подождите, я почти нашла.

— Нет уж, меня такое не устраивает. Мне некогда ждать, я лучше закажу онлайн. И напишу на вас жалобу.

С этим словами она удаляется из магазина, словно королева, оставив в замешательстве мою сотрудницу, которая за это время уже нашла все три книги. И, конечно, они есть у нас в наличии. Женщина уходит, покупатель всегда прав, а я пробираюсь к Лене и отправляю ее на перекур на задний двор, чему она очень рада, хоть и не курит.

Хельмут — радиоведущий и наш покупатель с самых первых дней. За неделю до Рождества он объявляется со списком, втискивает его мне в руки и исчезает. Он отлично знает, что может на нас положиться: мы все доставим вовремя. Он настолько в этом уверен, что возвращается только утром 24 декабря, чтобы забрать свои подарки. Я наклоняюсь к ящику с заказами, ищу первую букву его фамилии и замираю. Для него нет ни одной книги. Совершенно ни одной. Мне не хочется поворачиваться к прилавку — но ведь это не поможет — и я, не произнеся ни слова, поднимаюсь и открываю на компьютере файл покупателя. Он заказал четыре книги. Одна из них больше не продается, другая — в переиздании, а двух последних нет в наличии из-за большого спроса. То есть наступило 24 декабря, а у нас нет ни одного из его заказов. Я пытаюсь объяснить, как это могло произойти и почему в последнюю неделю перед Рождеством мы не успеваем сообщить покупателям,

что их книг нет. Оповещение о доставке приходит автоматически на электронную почту или на телефон по СМС, но если книга не доставлена, нет и уведомления. В течение других одиннадцати месяцев мы обычно что-нибудь придумываем, звоним людям, объясняем, что это займет чуть больше времени, но при нескольких сотнях заказов в день мы, к сожалению, теряем из виду общую картину. И вот этот обычно такой милый Хельмут с приятным поставленным голосом начинает ругаться на меня. Объяснения ему, естественно, не нужны: ему совершенно безразлично, почему у него сейчас нет ни одного рождественского подарка. Через полтора часа все магазины закроются, а у него ничего нет. Если бы дверью нашего магазина можно было хлопнуть, то наверняка после выхода Хельмута задрожали бы стены.

Через два дня, когда все остается позади и я нежусь в постели в нашем загородном домике, вдруг раздается телефонный звонок. На экране высвечивается Хельмут Дж. — я долго раздумываю, стоит ли отвечать. Так и быть, я ведь все-таки не трусиха. В ответ на мое осторожное «Да?» обрушивается бурное извинение. Ему очень жаль, что он устроил такую сцену, ведь

совершенно ясно, что это не наша вина и он должен был узнать о заказах пораньше, но день выдался дурацкий, и это его окончательно добило. Я даю ему выговориться, сама еще раз искренне прошу прощения, и его слова трогают меня до глубины души.

Интереснее становится, когда недружелюбные случайные покупатели сталкиваются с нашими постоянными клиентами или даже поклонниками. Пока меня отчитывают за то, что все десять путеводителей по Апулии, имеющих у нас в наличии, «очень разочаровывают», рядом стоит человек, который с горящими глазами просит подписать написанную мною книгу. Моей героиней остается смелая пожилая дама, которая отчитывала мужчину, заявившего мне в лицо, что мы — никчемная лавочка, потому что у нас не было в наличии нужного ему учебника по неврологии: «Вы вообще-то знаете, кто стоит перед вами? Это сама фрау Хартлиб!»

Как бы странно это ни звучало, но мы любим покупателей, которые точно знают, что им нужно, хотя понятия не имеют, как это называется. «Послушайте, по телевизору показывали одну книгу. Какого-то доктора. В зеленой обложке»... «Нет, я не знаю названия»... «Нет, я не помню, по какому каналу показывали. Но это новая книга, она ведь должна у вас быть?» Нужно всего лишь задавать правильные вопросы, и тогда можно вытащить из покупателя больше информации, и, к счастью, в интернете хватает разных поисковиков.

Мы всё найдем и обожаем такие задачи: решив их, можно впечатлить покупателей. В конце концов, продавать книги с витрины может каждый. Само собой, мы выясним, какого врача показывали по телевизору, одна коллега даже догадается, что под «сборщицей яблок» имеется в виду «Воровка фруктов», написанная Петером Хандке. И даже когда нашего друга и соседа, писателя Радека Кнаппа, вдруг назовут Радемундом Кнаузом, мы не дадим ввести себя в заблуждение.

Наш коллега, уважаемый камерный певец, занимается организацией концерта и, как обычно, опаздывает, но мы справляемся и без него. «Мне нужны стихи Гейне и Рильке. Но в сборнике обязательно должно быть стихотворение, которое написано на надгробии Гейне в Париже».

Ничего сложного, в конце концов, он мог бы попросить стих, который поэт прошептал своей неразделенной любви Амалии в ночь на 22 декабря 1822 года.

Моих коллег всегда забавляют люди, которые интересуются новыми книгами фрау Хартлиб, когда я стою рядом. Или даже спрашивают меня саму: «Есть что-нибудь новенькое у Хартлиб?» Иногда они уточняют: «Хорошая ли это книга? Можете ли вы ее порекомендовать?» Время от времени

я позволяю себе поразвлечься и не выдаю себя. «Мне кажется, неплохая», — говорю я, и коллеги хихикают рядом.

Некоторые настаивают на том, что я представляла на телевидении какую-то определенную книгу, — и они в этом абсолютно уверены. Я не помню ничего подобного, более того, уверена, что даже не читала книгу, которую якобы презентовала. Конечно, я потом ищу ее, пытаюсь выяснить, что же я «рекомендовала», и не могу успокоиться, пока не разберусь, даже если в магазине очередь. Отгадка оказывается довольно простой: в Вене есть и другая владелица книжного, которая дает рекомендации по телевизору. Она выступает в семь утра, я — вечером. Другой канал, другой магазин, женщина на десять лет старше меня, никакого внешнего сходства. Но я не расстраиваюсь: она дает отличные советы, и эти книги зачастую есть у нас в наличии.

Время летит, и мы замечаем это по нашим покупателям. Малыши, которым у нас брали их первые

книжки для коляски или ванночки, теперь выше меня, с прыщиками на лице и обычно появляются в нашем книжном только кучками, чтобы купить тетради издательства «Реклам» или сборники формул. Иногда они заглядывают поодиночке, приветствуют нас застенчивым кивком и исчезают в небольшом отделе молодежной литературы. Признаться, нам это нравится. Я знаю, насколько это нелегко — открыть дверь, поприветствовать продавца, возможно, даже заговорить с ним, а потом на кассе выложить перед ним все, что ты выбрал. Пусть и кажется, что в этом нет ничего такого, но в четырнадцать лет это из разряда «миссия невыполнима».

Но бывают и посмелее:

— Вы знакомы с нашей мамой!

И это не вопрос, а утверждение.

— Да, и?

— Нас зовут Макс и Юлиус, и нам нужен рождественский подарок для родителей. Вы можете нам помочь?

Я роюсь в воспоминаниях, и на самом деле оказывается, что знакома с ней. Мы даже несколько раз бывали у них в гостях: наши дети одного возраста. Я бы ни за что не узнала этих юношей. Я помню двух диких мальчишек, с которыми

постоянно что-то приключалось. Как-то на дне рождения наша дочь в растерянности наблюдала, как Макс съезжал на своем велосипеде с лестницы, а Юлий толкал других детей в бассейн. Сейчас они стоят передо мной, послушные и опрятные, и просят моей помощи, потому что и понятия не имеют, какие книги читают их родители. Самым лучшим подарком для мамы наверняка стала бы эта сцена: ее сыновья с такой учтивостью и усердием слушают и пытаются выбрать подходящее для нее издание. Немного подумав, я пересказываю им несколько книг. Они делают выбор, и я предлагаю упаковать подарок, что вызывает у них такую радость, словно я разрешила им целый год не ходить на занятия по математике. Пока я заворачиваю книгу в подарочную бумагу, один из них, кажется, Макс, тот, что помладше, произносит вполголоса:

— Мы иногда воровали книжки-малышки. С полка на улице. Нам очень жаль. Честно, очень жаль.

Повзрослевшие дети — одно из доказательств тому, как долго существует наш магазин. Другое — много-

численные пожилые люди, за старением которых нам приходится наблюдать. В какой-то момент в суете повседневных дел мы вдруг замечаем, что фрау К. каждый третий день заказывает одну и ту же книгу. Оригинальное иллюстрированное издание о Вахау*, и она всегда приходит за ним и с гордостью объясняет, что это идеальный подарок для ее невестки. А потом в какой-то момент она просто перестает приходить, мы убираем три оставшихся экземпляра книги про Вахау на склад и надеемся, что найдутся еще невестки, которым нравится эта местность.

Так и фрау Ф. перестает к нам заглядывать, ей был сто один год, когда она переехала в дом престарелых. Она несколько лет подряд составляла список рождественских подарков для пятнадцати правнуков. Мне сообщались имена и возраст, о каждом из ребят у нее была заготовлена история, и мне предстояло подобрать им книги. После чего я отправлялась к ней домой, и мы пили чай из маленьких хрупких чашечек с цветами и ели ванильные рогалики, и она очень извинялась, что не испекла их сама. Фрау Ф. удалось сделать своим правнукам подарки еще один раз, а в феврале мне

* *Долина Вахау* — местность в Нижней Австрии, знаменитая многочисленными памятниками культуры и традициями виноделия.

позвонила ее внучка и сообщила, что фрау Ф. заснула вечным сном.

Херр Е. забирает свой заказ самостоятельно. Он терпеливо дожидается своей очереди, не проталкивается вперед и не жалуется. Наверное, ему это нелегко дается, ведь он — важный человек, из тех, кто не привык ждать. И вот, наконец, подходит его очередь, Барбара находит ему нужные книги, заказывает несколько и, как всегда, заглядывает в ящик для сбора заказов.

— Пришла книга для вашей жены, — любезно сообщает она и кладет ее на прилавок перед ним.

— Моей жены больше нет, — резко бросает херр Е. и отворачивается.

Барбара замирает, я замечаю, как вздрагивают ее плечи, а по лицу беззвучно бегут слезы. Херр Е. снова поворачивается к ней, они смотрят друг на друга, и кажется, что все в магазине останавливается, как будто все люди, ищущие идеальный подарок, вдруг исчезают. Барбара плачет, херр Е. кивает в нашу сторону и выходит из магазина. Барби бросает на меня взгляд и исчезает в подсобке. Когда мне наконец-то удается отбиться от покупателей, я вхожу в офис — моя сотрудница заливается слезами. Она плачет из-за смерти фрау Е., хотя та всегда нелюбезно и повелительно общалась с нами, и я понимаю,

что на самом деле она плачет не по старушке, а по своей смертельно больной подруге. Я на мгновение обнимаю Барби, и через пять минут она возвращается к работе. *The show must go on**.

Мы вовремя закрываем дверь магазина, ровно в шесть часов вечера, принимаемся проверять выручку, и Оливер может выудить интересную информацию из кассового аппарата. Сколько книг мы продали. Сколько заказали. Сколько покупателей купили хотя бы одну книгу. За последнюю неделю перед Рождеством — от пятисот до семисот. То есть семьсот человек на шестидесяти квадратных метрах. И из них шестьсот девяносто — веселые, дружелюбные и милые.

Но наша главная гордость — это друзья, которые когда-то были всего лишь покупателями, а теперь приобретают у нас все свои новогодние подарки, никогда не просят скидок и практически навязывают свою помощь.

* *The show must go on* (англ.) — «Шоу должно продолжаться», цитата из песни британской группы Queen.

Так, одна девушка-юрист, взявшая выходной, чтобы сделать покупки к Рождеству, спонтанно предлагает помощь, когда видит, что мы работаем без передышки. Я отправляю ее в банк разменять деньги, после чего она в подсобке заворачивает сорок две книги в белую папиросную бумагу и завязывает сверху бантики. Иначе мне пришлось бы ночью упаковывать эти книги — новогодние подарки одного кардиолога для своих коллег. Только когда коробки, уже готовые, ждут, чтобы их забрали из подсобки, я осознаю: наша помощница, наверное, знакома с кардиологом, ведь ее муж когда-то работал с ним в одной больнице.

КТО ДУМАЕТ О ЗАВТРА? LET'S PARTY!*

Празднования важны для сплочения коллектива. Именно поэтому летом многие компании устраивают корпоративные выезды, а зимой — рождественские вечеринки.

Нам пока ни разу не удалось организовать совместную поездку, но однажды мы ходили вместе в театр, на выступление артиста кабаре, что было неплохо, правда, ничего нового мы не увидели, поскольку он живет за углом и без того постоянно показывает номера в нашем магазине.

В рождественский период совместный поход куда-либо просто немислим. Наши сотрудники

* *Let's party!* (англ.) – «Давайте веселиться!».

посмеялись бы над предложением вместе сходить в уютный ресторан в декабре, хорошо поужинать и много выпить.

И все же в последнюю неделю нам удастся устроить что-то вроде рождественской вечеринки. Мы стараемся выгнать покупателей из магазина хотя бы приблизительно вовремя, затем перемещаем несколько книжный коробок, приносим с террасы охлажденное пиво, наполняем миски чипсами и арахисом. К нам присоединяются сотрудники из филиала на Порцеллангассе, приходит и коллега, у которой сегодня выходной. И вот мы сидим, уставшие, измотанные, но веселые и совершенно счастливые, потому что осталось выстоять всего несколько дней. Каждый успевает высказаться, поделиться лучшими историями, лучшими фразами, байками о самых сложных покупателях. Все пытаются превзойти друг друга самой дорогой книгой, которую им удалось продать на этой неделе. Оливер сравнивает показатель последних продаж с показателями трех предыдущих лет и еще больше раззадоривает нас. Все милы друг с другом и рассказывают, какие замечательные у них коллеги.

Наша сирийская сотрудница приходит с огромным подарком. Деревянный фонтан высотой более метра, с крышей и маленьким ведерком для подъ-

ема и спуска, который она смастерила вместе с мужем и другом в своей двухкомнатной квартире. Она повесила на него рождественские украшения и прикрепила небольшую табличку с надписью «Галия & Петра». Я не решаюсь спросить, символизирует ли что-нибудь фонтан в арабском мире. Удачу, богатство или дружбу? Ясно только, что эта громадина окажется в рождественской витрине в следующем году, неважно, что она означает и будут ли нас спрашивать, как она связана с Рождеством.

Через два часа мини-вечеринка заканчивается, и все, совершенно выжатые, расходятся по домам, я отношу пустые бутылки в мусорный контейнер и сметаю крошки от чипсов, Оливер выходит на ночную смену и разбирает коробки. Как же я обожаю эту команду!

Несколько лет назад мы решили устроить настоящую новогоднюю вечеринку. Только в мае. Наш друг Георг из ресторана неподалеку уже открыл летнюю террасу, и мы забронировали длинный стол на улице.

«Георг, мы организуем нашу рождественскую вечеринку у тебя», — предупреждаем мы, и он даже не удивляется, потому что хорошо знает нас и то, что творится в книжном на Рождество. Весенний вечер, Георг украшает стол свечами и еловыми ветками. В мае тоже можно делиться забавными рождественскими историями, и получается даже лучше, потому что декабрьские дела остались в прошлом, а до следующей зимы еще далеко. Георг не упускает случая угостить нас, поэтому за вечер выпивается большое количество джин-тоников. В какой-то момент мы, пошатываясь, бредем домой и очень радуемся, что сейчас не настоящий сочельник, иначе бы Оливеру еще пришлось распаковывать коробки, и на следующий день в ящике для сбора ни одна книга не была бы на правильном месте.

Каждый год в декабре проходят две вечеринки, на которые я хожу, даже если практически валяюсь с ног. Представители издательств приглашают в винный погреб, где подают ветчину и сыр, а в полночь — небольшие колбаски. В общем, соби-

раются издатели и книготорговцы и, конечно, говорят исключительно о книгах и рождественских продажах. И в итоге выпивается и выкуривается слишком много, несмотря на то, что на следующий день выспаться точно не удастся. Эта вечеринка проходит каждый год в первый вторник декабря, но мне потребовалось несколько лет, чтобы запомнить это. Но не Анне, конечно. Уже в конце октября она просится прийти на работу в одну из сред в начале декабря чуть попозже. «Конечно, — соглашаюсь я, — без проблем, я начну пораньше». У нее ведь много сверхурочных часов, она любит задерживаться в магазине, так что иногда может прийти и чуть позже.

Как всегда, наша команда в полном составе представлена в прокуренном винном заведении на Рудольфсплатц. Когда дело доходит до празднования, нас всегда больше, чем сотрудников любого филиала магазина «Талиа»*. В какой-то момент около полуночи я подсчитываю, сколько часов смогу поспать, если сейчас же прыгну в такси. Взглядом отыскиваю своих коллег. Анна, веселая, сидит с бокалом белого шпритцера в руках и машет мне: «Босс, я еще немного останусь. Я ведь

* «Талиа» (*Thalia*) — крупная сеть книжных магазинов в Австрии, Швейцарии и Германии.

завтра попозже начинаю». Какие у меня сообразительные сотрудницы.

8 декабря, День непорочного зачатия Девы Марии, в Австрии — выходной. Школы закрыты, никому не надо идти в офис — настоящий католический праздник. В моем детстве и юности магазины тоже были закрыты, но только представьте себе: день без продаж, и это в разгар рождественского периода! И вот в какой-то момент лоббистам бизнеса удалось добиться своего, и теперь можно распахнуть двери своего магазина в этот праздник. Вам придется это сделать, потому что именно так поступают владельцы всех других магазинов. Если вы не откроетесь, рискнете тем, что покупатели пойдут туда, где открыто, и ваши продажи сократятся. Мы не можем себе этого позволить, поэтому, конечно, тоже открываемся. Но поскольку этот день считается выходным, в магазине, понятно, будет задействовано как можно меньше сотрудников. Значит, 8 декабря мы с Оливером работаем только с одной коллегой. В конце концов, наш труд нам ничего не стоит.

А вечером 7 декабря мы отправляемся на вечеринку венского издательства Czernin. Сидим в уютном пивном погребе, едим, пьем, болтаем, позже даже танцуем. Авторы, журналисты, фото-

графы — празднует разношерстная группа, но повод уже давно забыт. Мы с мужем снова оказываемся единственными продавцами книг, и, конечно, мы самые несчастные в этот вечер: нам нужно вставать завтра утром. На работу. Нам нужно открывать магазин завтра, да еще в праздничный день! Кто-то напоминает, что в День непорочного зачатия разрешено открываться не раньше десяти утра. Как десяти? Мы хватаемся за телефоны, несмотря на лютый мороз, выходим на улицу, потому что в подвале не ловит, и гуглим часы работы магазинов 8 декабря. И все верно, черным по белому: с десяти до шести! Вдруг кажется, что нам подарили выходной. Точнее, с десяти до шести часов — это совсем ничего, мы с легкостью справимся и теперь можем остаться на вечеринке чуть дольше. На несколько часов. Завтра утром мы отоспимся.

НЕ БУДЬ ТАКОЙ БЛОНДИНКОЙ!

С тех пор как у меня появился собственный бизнес, я стала более точно считывать отношения между людьми в сфере обслуживания. Будь то гостиница или кафе, магазин джинсов или хозяйственных товаров, я с легкостью распознаю настрой сотрудников, которые там работают. Я чувствую атмосферу, стоит мне только оказаться внутри, и по взглядам и осанке могу определить, как здесь обстоят дела. Как себя ощущают работники? Комфортно ли им здесь? Ненавидят ли они свою работу? Нравятся ли им коллеги? Боятся ли они начальника?

Однажды я предложила молодому официанту работу продавца книг просто потому, что он был

таким внимательным, веселым и дружелюбным. Я оставила ему свою визитку в ночи после хорошего ужина, и мое предложение было серьезным. Если бы он решился, из него бы вышел отличный книготорговец. Но он так и не позвонил мне — видимо, его устраивала работа официанта.

Если я замечаю, что начальник срывается на своих подчиненных или коллеги — друг на друга, я как можно быстрее покидаю магазин. А когда продавцы сплетничают, пока я ищу что-нибудь подходящее в магазине одежды, едва пересиливаю себя, чтобы не уйти.

В рождественский период иногда приходится толкаться вчетвером за единственной кассой — каждый с охапкой книг под мышкой. Временами становится очень тесно. Мы жмемся, передавая друг другу через головы книги, бумажные пакеты, оберточную бумагу, ручки и кассовые чеки.

Но несмотря на то, что все мы едва держимся на ногах от усталости, изнеможения, а иногда и вообще находимся на пределе, мы все равно смеемся, веселимся и разыгрываем представление, с одной стороны, конечно, для покупателей, а с другой — для самих себя, потому что если бы мы не шутили постоянно, то спрятались бы в темном углу и тут же заснули.

Наш книжный магазин — не храм изящных искусств, где должна царить благоговейная тишина, — напротив, мы смеемся, шутим, и часто не остается ничего другого, как кричать через весь магазин, нередко и с высокой лестницы, потому что пробиться сквозь переполненный зал невозможно, на это уйдет слишком много времени.

— У нас еще есть подписанный экземпляр Гайгера*?

— Кто-нибудь знает, что за актриса была в прошлый вторник на шоу Штермана и Гриссеманна**?

— Как называется третья книга этой американской писательницы, той, чья первая книга была такая синяя, что-то с рекой на обложке?..

Ева стоит у компьютера, отчаянно пытаюсь отыскать книгу с таким расплывчатым описанием. Должно быть, у нее послеобеденный упадок сил, потому что обычно она отлично разбирает-

* *Арно Гайгер* — современный австрийский писатель, лауреат нескольких литературных премий.

** *Шоу Штермана и Гриссеманна* — имеется в виду развлекательное шоу Дирка Штермана, немецкого актера, писателя, и Кристофа Гриссеманна, австрийского актера и писателя.

ся в компьютерах, но сейчас кажется совершенно неумелой. Она продолжает вводить в поисковик нелепые ключевые слова и вечно опечатывается. Я заглядываю через ее плечо в перерывах между упаковкой книг, обналичиванием денег и поиском книг в ящике для сбора заказов и пытаюсь хоть как-то ей помочь. Безрезультатно.

— Боже мой, Ева, не будь такой блондинкой, — произношу я громко, зная, что мне можно это сказать. У нас такое позволено, потому что мы понимаем, что именно имеется в виду. Мне разрешено обращаться к сотрудникам «дорогуша», если я в спешке не могу сразу вспомнить имя, Петер иногда называет меня «милая моя», хотя он мне не муж, но его постоянно принимают за него, и я не сержусь, когда сотрудники говорят, что начальница снова в чем-то не разбирается. Поэтому я называю Еву блондинкой, и она подыгрывает мне. Покупателю это, однако, не кажется смешным, он смотрит на меня осуждающе и со смертельной серьезностью заявляет:

— Ну у вас тут и манеры общения!

Ева начинает хихикать, он неуверенно улыбается, а я говорю ему:

— Вам еще повезло, что вы не блондинка, не правда ли?

Конечно, Еве не приходится долго ждать, чтобы нанести ответный удар: я вожусь у кассы, отчаянно пытаюсь внести предоплату из комбинации подарочного купона и кредитной карточки, и терплю неудачу. Снова и снова мне приходится нажимать кнопку отмены операции и начинать все сначала. Перед кассой уже выстраивается длинная очередь, у меня за спиной — коллеги, которые, наверное, чувствуют мое раздражение, но сдаваться нельзя. В какой-то момент Ева просовывает руку в появившуюся щель и набирает нужное сочетание клавиш. Вслух она произносит:

— Думаешь, я не вижу, что ты все время только и делаешь, что смотришь на компьютере видео с кошками?

Раскат хохота прокатывается по магазину. И снова несколько покупателей уходят домой с осознанием, что наш магазин — место, где можно весело провести время.

Мне не нравятся книготорговцы, которые постоянно жалуются. Вечно выставляют себя так,

будто мы самые несчастные в мире, приносим себя в жертву и страдаем от подлости окружающих, — такое поведение не принесет ничего хорошего ни им, ни отрасли в целом. В конце концов, люди должны приходить не потому, что испытывают к нам жалость, как к вымирающему виду. Они должны приходить, потому что мы хорошие, потому что мы все знаем и у нас все есть в наличии, а еще мы можем все разузнать и раздобыть. Немного жалости, конечно, не помешает, но именно столько, чтобы покупатели были к нам снисходительны, особенно в декабре, приносили печенье и мандарины, да и от кастрюли супа мы не откажемся. Но мы не должны вызывать у них столько жалости, что они не осмелятся показаться на пороге нашего магазина в преддверии Рождества и будут заказывать книги на «Амазоне» или вообще не станут дарить друг другу книги, лишь бы побереечь нас. Мы этого точно не хотим! Пусть у нас покупают много книг, в конце концов, именно за счет рождественского оборота более или менее окупается вся наша работа. И как было бы ужасно, если бы в декабре мы остались в магазине одни: пусть начиная с октября мы постоянно жалуемся и ужасаемся предстоящему ажиотажу, мы

одновременно с нетерпением ждем этого месяца чрезвычайного-положения раз в году.

Несмотря на все напряжение, в этом есть что-то упоительное, ты мчишься на волне адреналина, полностью концентрируешься на покупателях и их пожеланиях. День пролетает незаметно, нет времени ни грустить, ни скучать. И когда те, кто здесь не работает, уходят в шесть часов, мы начинаем прибираться, все расходятся по своим углам и пытаются навести порядок в том бардаке, который мы устроили за день. Это происходит в полнейшей тишине, слышен лишь скрип лестниц, когда их катают туда-сюда по рельсам. Царит идеальная для медитации атмосфера.

Помимо адреналина, нас поддерживает и то, что мы есть друг у друга.

Люди, появляющиеся в магазине в разное время, в зависимости от их смен, — они мне очень близки. У каждого из них свой выход на сцену.

Петер, который проносится по улице на скутере с головокружительной скоростью (он живет

через несколько домов отсюда) и обычно обслуживает первых людей, не снимая зимней куртки.

Ева, которая тихо прокрадывается в магазин, внезапно оказывается рядом со мной и шепчет на ухо: «Я решила заглянуть, просто так».

Берна, которой дольше всего добираться до магазина, поэтому она приходит на работу как после изнурительной экспедиции: сначала ей нужно покурить во дворе, сходить в туалет, переобуться, поставить принесенный с собой обед в холодильник на нашей кухне и вскипятить воду для чая в термосе.

Барби, которая влетает в магазин в таком виде, будто не успела зайти домой после вчерашнего концерта.

И, наконец, Анна, которая, лишь показавшись на пороге, дает мне ощущение безопасности. Если Анна рядом — значит, все будет хорошо.

Вместе мы напоминаем дружную футбольную команду, правда, скорее женский состав: никакого соперничества, никто не перехватывает ни у кого мяч, чтобы забить гол, все присматривают друг за другом, делают друг другу пасы, подхватывают их, когда нужно. Поэтому у нас есть тайные сигналы, короткие взгляды — мы обмениваемся ими в ситуациях, из которых нужно срочно выходить.

Например, когда ты уже пересказал десять книг, а покупательница все никак не может определить-ся. Тогда, бывает, просто необходимо, чтобы кто-то другой прервал этот разговор.

Иногда хватает быстрого объятия в подсобке или кусочка шоколада, который коллега кладет тебе в рот за стеллажом с книгами карманного формата, теплой улыбки и, да, даже шлепка по заднице — все это здесь разрешено и считается подбадривающими жестами. Невероятно, как гармоничен этот коллектив, как слаженно работают все сотрудники, присматривают друг за другом и подерживают друг друга, хотя и каждый из них — индивидуален.

Порой мне удается на мгновение остановиться. Я прячусь за большим экраном компьютера и несколько секунд наблюдаю за своими коллегами. Картина вызывает у меня чувства радости, удовольствия и гордости.

ТЫ УМЕЕШЬ ЧИНИТЬ ИНТЕРНЕТ?

Если не работает интернет, значит, не работает ничего. Нельзя сделать заказ, но и нельзя проверить, пришли ли книги, точнее, выяснить, почему не пришли, если их нет в ящике для сбора заказов. И пополнить ящик нельзя, потому что без интернета невозможно принять новый товар. Взимать оплату тоже нельзя, точнее, в кассу можно класть деньги и брать их оттуда, но нельзя сканировать штрих-коды, нельзя расплачиваться дебетовыми или кредитными картами.

Раз в несколько лет в рождественский аврал происходит именно это: пропадает интернет. Судорожно набирается номер провайдера. Конечно, ответственный сотрудник колл-центра в отличие

от нас не видит в этом ничего такого ужасного и обещает прислать кого-нибудь в течение двадцати четырех часов. Но за эти двадцать четыре часа мы успеем записать сотни маленьких листочков с заказами и еще сотню с наклеенными на них ценниками. Все потом придется вносить в кассу. И это в то время, пока сто других покупателей будут пытаться сделать заказ или оплатить покупки. Так что такой вариант нас совсем не устраивает.

В половине девятого утра в субботу я включаю компьютеры в торговом зале, два из них работают без проблем, а вот на аппаратах у кассы интернета нет. То есть на одном компьютере, кассе и терминале оплаты. Без интернета нельзя ничего проверить, ничего заказать, ничего отменить, ничего оплатить. Я снова включаю и выключаю его, немного дергаю кабели, заползаю в маленькую комнатку под лестницей детского отдела, где спрятаны пылесос и интернет, вытягиваю провода, щелкаю несколькими выключателями и подсвечиваю в темноте фонариком мобильного телефона. Уже девять, и, как и каждое утро в это время, в магазин врываются первые посетители. Они протискиваются между вращающимися стеллажами и деревянными ящиками, которые нужно выставить на улицу, считая, что их обслуживают быстрее,

если они займут позицию. К счастью, Анна уже на месте. Она никогда не теряет самообладания, остается спокойной и вежливой, может сто раз повторить одно и то же предложение, не позволив и нотке раздражения промелькнуть в ее тоне, и, кроме того, она умудряется подбадривать меня взглядом. Мне это сейчас очень нужно. Я приседаю за прилавком с грязными руками и пытаюсь проверить все соединения, что не так-то просто, потому что они, конечно, находятся на задней стороне устройств, компьютеры встроены в глубокую стойку прилавка, а провода короткие.

— К сожалению, нет. Наш платежный терминал сейчас не работает.

— Может, у вас найдется наличными?

— Если вам нужен чек, я выпишу от руки, наша касса сейчас не работает.

Анне приходится повторять эти фразы бесчисленное множество раз, и все остаются на удивление спокойными. Некоторые покупатели с любопытством наблюдают за тем, как я сижу на полу и дергаю за разные проводки. В пять минут десятого я наконец-то звоню Вальтеру — он занимается техническим обслуживанием наших компьютеров, обладает терпением святого и всегда находит какое-нибудь решение. Проходит целая вечность,

прежде чем он поднимает трубку: о да, существует жизнь вне рождественских продаж, и в ней можно спать до девяти часов по субботам, а потом неторопливо завтракать, — я смутно припоминаю. Сейчас мне не до этого, поэтому я звоню ему, пока он нежится в постели. Наконец Вальтер поднимает трубку и говорит: «Черт!»

— Вот именно, черт.

— Что не работает?

— Все не работает.

— Спокойствие, что именно все?

Если три из пяти компьютеров, которые вообще есть в магазине, работают без перебоев, общая проблема с интернетом исключается. Исключаются и перебои сервера. Это я уже поняла, но черт побери, в чем же тогда проблема?

— Можешь прийти? — умоляю я в трубку.

— Я только проснулся.

— Я знаю. Можешь все равно прийти?

На другом конце провода длительное молчание.

— Мне потребуется час.

— Хорошо. Но ты придешь?

— Да.

За час мы успеем выписать около сотни маленьких листочков, которые потом придется вбивать в систему, о количестве ошибок даже думать

не хочу. Нам придется тысячу раз объяснить, что в данный момент оплата возможна только наличными, а если кто-то хочет что-то заказать, то компьютер, через который можно оформить заказ, работает, но всего лишь один. Учитывая, что за час в магазине проходит около сорока человек, из которых как минимум половина хочет сделать заказ, этого явно недостаточно. И ко всему прочему не работает касса. И терминал.

Под прилавком, который весит, кажется, целую тонну, есть люк в полу, где собираются все провода. Этот огромный прилавок стоит на колесиках, и его можно передвигать, что позволяет на время мероприятий превратить сорок квадратных метров свободного пространства в сорок три.

Ближе к десяти на свою смену приходит Ева. В приподнятом настроении она протискивается сквозь очередь, и через несколько минут оказывается рядом со мной.

— Что здесь творится?

— Ничего не работает. Точнее, в этом зале. В офисе все работает.

Я сижу на полу, передо мной открытый люк, надо мной — Анна и Лена прилагают все усилия, чтобы удержать покупателей на расстоянии. И вдруг мой взгляд натывается на свободный штепсель

и пустую розетку. Не раздумывая, я втыкаю его. В маленьком блоке, где сходятся все компьютерные провода, загорается зеленый свет. «Зеленый — это хороший знак», — проносится в моей голове. На экране надо мной вдруг появляется стартовая страница нашего сайта. Анна кричит: «Заработало!», несколько человек аплодируют, я снова звоню Вальтеру и сообщаю, что он может возвращаться в кровать, с трудом поднимаюсь с пола и иду отмывать грязные руки. Я уже давно не пробивала товары на кассе с такой радостью, как в последующие несколько часов.

В момент затишья Ева ловит меня в подсобке:

— Слушай. Мне кажется, это все по моей вине.

— Что именно?

— С розеткой...

— Как? Зачем?

— Я же вчера была за кассой.

— И что?

— У меня упала на пол купюра пятьдесят евро.

— И?

— Под прилавок.

— Боже, Ева, не надо клещами вытягивать из себя признание. Нам нужно возвращаться к работе. — Сквозь небольшую дверь мне заметна собравшаяся на кассе очередь.

— Я двигала прилавок. Барби мне помогла. И под ним оказалась купюра. После чего мы снова все поставили на место. Раздался треск... — Она смущенно смотрит на меня и произносит шепотом: — Мне кажется, это была розетка. Ты меня убьешь?

— Ах, Ева. Мы уже с этим разобрались. Забудь.

— Хорошо! — Никто не умеет так красиво вздергивать брови, как это делает Ева. — Помнишь, как у нас однажды выбило пробки? Это было намного хуже!

Она права, потому что ситуация могла бы быть и хуже. Ведь если нет электричества, то нет и интернета. С другой стороны, если в декабрьский день нет электричества, то нет и света, и тогда в нашем магазине так темно, что с трудом можно разобрать хотя бы обложку книги. Это все сильно замедляет...

Одним сумрачным зимним днем во всем торговом зале отключается электричество, выключаются компьютеры, не работает кассовый аппарат, и на-

ступают крошечная тьма. Просто так. Ни с того ни с сего. Станным образом в офисе на заднем дворе ярко светят лампы, и, хотя я постоянно прогуливала уроки физики, я делаю вывод, что это, пожалуй, связано с разными электрическими сетями — нового здания и старого. Я знаю, где находится щиток, открываю его и обнаруживаю, что ни один из предохранителей не перегорел. Номер телефона нашего электрика я храню еще со времен ремонта несколько лет назад, и мы поддерживаем дружеские отношения.

— Мой любимый продавец книг, — после двух гудков в трубке раздается его радостный голос. Обычно я отвечаю «любимый электрик», но сейчас как-то не до шуток.

— У нас нет электричества!

— Это нехорошо.

— Совсем не хорошо.

— Вы уже проверяли электрический щиток?

— Конечно. Там все в порядке. Все предохранители на месте.

— Хм, очень странно. Весь магазин полностью?

— Нет, только передняя часть. И частично квартира над ней.

— Я сейчас в Нижней Австрии. Но я приду. Как только смогу.

— Пожалуйста!

Тем временем Оливер приносит из нашей квартиры все свечи, какие только находит, и, расставленные в больших блюдах, они наполняют магазин светом, создавая особенную атмосферу. Находится удлинитель и несколько торшеров, которые мы подключаем к розеткам из офиса. Войдя в магазин, покупатели удивленно оглядываются, большинство улыбается, принимая все это за милую рождественскую затею. И снова фразы, набившие оскомину: «Никаких дебетовых и кредитных карт, никаких чеков, никакого поиска в системе. Сегодня все по старинке. Книга в обмен на деньги». На самом деле так даже уютнее: свечи, приглушенный свет торшеров, переговоры вполголоса, и всем это кажется забавным. Я думаю о сегодняшнем обороте, а также о ночной смене, если у нас когда-нибудь снова будет электричество, и о том, сколько придется наверстывать. Тут в магазине появляется пожилой мужчина, удивленно осматривается и начинает ругаться: «Глазам своим не верю! У вас в магазине тоже темно? Я только что от стоматолога, и прием отменили из-за отсутствия электричества. Я решил заглянуть к вам за книгами, но и тут хоть глаз выколи!»

Я с изумлением смотрю на него и отчетливо понимаю: мы здесь ни при чем. Все намного серьезнее.

Кабинет стоматолога находится через два дома. Накинув куртку, я выбегаю на Верингерштрассе. Прохожу мимо ярко освещенных витрин обувного магазина. В доме стоматолога находится магазин электротоваров, где царит кромешная тьма, во внутреннем дворике курят ассистенты стоматолога, обсуждая, можно ли им уходить домой. В другом здании — магазин постельных принадлежностей: уютная кровать в витрине блестит в теплом свете, в то время как продавщицы «Чибо»* возбужденно переговариваются рядом со своим темным магазином. И до меня вдруг доходит: обесточило каждый второй дом на всей улице, так что наш щиток тут ни при чем. Поэтому я отменяю визит своего любимого электрика, и он громко смеется, когда я описываю ему ситуацию: «Тогда за это отвечает “Венэнерджи”, но это действительно любопытный случай».

Я тоже так считаю и задумываюсь: сколько времени потребуется такой крупной компании, чтобы устранить столь интересную проблему. Решительно настроенный стоматолог уже позвонил в аварийную службу и получил обнадеживающий ответ, что из строя вышло так называемое реле и они уже

* «Чибо» (*Tchibo*) — известная немецкая компания, производитель растворимого кофе, а также одежды и бытовой техники.

работают над устранением поломки. Но я понятия не имею ни о том, что из себя представляет это реле, ни как его можно починить, не перерыв всю улицу вдоль и поперек, но словно по мановению волшебной палочки через полтора часа загорается свет, касса издает негромкий звук, и я снова убеждаюсь: Вене и городской администрации нет равных.

В первые годы существования книжного магазина, то есть до того, как мы решили увеличить наши сорок квадратных метров торговой площади еще на двадцать, чугунная винтовая лестница соединяла подсобку с нашей квартирой. В прихожей, рядом с кухней, в полу было отверстие, откуда спускалась старая лестница. В нашей квартире можно было подслушивать разговоры покупателей, а в книжном магазине — улавливать ароматы блюд, доносящиеся с кухни. Конечно, мы очень редко пользовались лестницей в подъезде, в основном молниеносно взлетали по винтовой. Дочка вполне привыкла носиться туда-сюда между этажами в тапочках или носках.

Однажды в полдевятого утра, спустившись с полной чашкой кофе по лестнице, я захожу в подсобку и замираю. Небольшой письменный стол перевернут, все выдвижные шкафчики вытянуты, бумаги разбросаны по полу. Оливер, конечно, не самый большой любитель порядка и накануне работал допоздна, но неужели он оставил все в таком виде? Конечно, мне и в голову не приходит, что здесь может пахнуть чем-то опасным, но, войдя в темный магазин, я тут же замечаю взломанную дверь. Видимо, ночью к нам заходили гости. Денег не было, мы убираем их на ночь в сейф, поэтому опустошили только небольшую коробочку для чаевых. Но и там было не так уж много, потому что чаевые в книжной торговле все-таки редкость. Мой взгляд падает на пустую миску для фруктов в центре прилавка, и во мне закипает злость: накануне Ассоциация предпринимателей наполнила ее целой горой шоколадных конфет Lindt. И хотя они предназначались для покупателей, мы, конечно, спрятали большую часть за прилавком, ведь никогда не знаешь, когда тебе снова доведется полакомиться такой конфеткой. Следом за мной в безлюдный торговый зал входит Оливер, и я со злостью вручаю ему пустую миску:

— К нам кто-то вломился! И украл все шоколадные конфеты!

Муж смотрит на меня так, словно сомневается в здравости моего ума:

— Что-нибудь еще?

— Пока не знаю.

— Ноутбука нет.

— Точно. И шоколадных конфет!

— Да, но ноутбук! Только подумай: стоило им подняться по лестнице, и они бы очутились перед нашей кроватью.

— Точно. Но кто ворует шоколадные конфеты?

Я замечаю, как мой муж закатывает глаза. Прежде чем мы принимаемся наводить порядок, вызываем слесаря и просим сына принести в течение ближайшего часа свой ноутбук: нам нужно одолжить его на время.

Звонок в полицию, и немного погодя два сотрудника с неохотой снимают у нас отпечатки пальцев и советуют потратиться на сигнализацию. При составлении протокола украденных вещей шоколадные конфеты я не упоминаю. Страховка вряд ли их покроет.

МАШИНА НАВЫНОС

Конечно, именно в начале декабря наша старая машина, которую мы привезли еще из Гамбурга, испускает последний вздох. Ничего больше не включается. Она не заводится, и вызванный механик из аварийной службы сразу же советует пустить старый «Форд» на лом, больше не тратить на его ремонт и купить новый.

Значит, новая машина. И как можно скорее. Не через неделю и не через две, потому что нам необходимо успеть развезти несметное количество книг. Нужно организовать ярмарочный книжный стол к сочельнику в школах, привезти старушкам в Пётцляйнсдорф* рождественские подарки для внуков и товар в магазин Венского музея, который

* *Пётцляйнсдорф* — спокойный район Вены, популярное место отдыха к западу от района Веринг.

мы уже много лет снабжаем, — на трамвае не получится.

Разумеется, у нас не было времени изучать рынок подержанных автомобилей: мы работаем по тринадцать и более часов в сутки, и нам нужен функционирующий автомобиль не позднее чем через три дня. Новый автомобиль кажется утопией, как-никак, мы всего лишь книготорговцы. Мы немного роемся в интернете и натываемся на машину румынской марки Dacia. Ее нельзя назвать автомобилем премиум-класса, скорее фургон для доставки, но который отлично подходит для наших надобностей. Два неоспоримых аргумента в пользу этой марки: дешево и продается у дилера Renault всего в трех улицах от нас. Мы ненадолго оставляем своих сотрудников и бредем по густому снегу на Тешнергассе.

— У вас есть в наличии Dacia?

— Да, какой цвет вас интересует?

— Без разницы. Мы бы хотели проехать на ней кружочек.

— Да, конечно, мы можем назначить дату и время.

— Нет, без назначений. Мы хотим сделать это сейчас.

— Сейчас? — Сотрудник с удивлением оглядывает нас, затем переводит взгляд на метель за окном. —

У вас есть с собой паспорт? Водительское удостоверение? — Он снимает копии с документов и сует нам в руки ключ.

Мы усаживаемся в белоснежный фургон, и он мне сразу нравится. Не то чтобы прямо очень, но нравится. В конце концов, у меня никогда не было новой машины прямо с завода, и, несмотря на то что эта была самой дешевой на рынке, на меня производят впечатление ее чистота, запах и то, что она выглядит так, будто только что сошла с конвейера. Мы едем по Чарторийскигассе — этот переулок поднимается прилично в горку, и на заснеженной поверхности дороги можно отлично проверить, на что способна эта машина. Медленно, но верно мы добираемся на самый верх Шафберга, разворачиваемся и едем обратно в автоцентр.

Продавец с надеждой смотрит на нас.

— Ну что? Вам понравилось?

— Да, берем.

— Хорошо! Я рад. Тогда присаживайтесь, мы обсудим ваши пожелания по отделке салона.

— В этом нет никакой необходимости, мы берем ее как есть.

— В смысле как есть?

— То есть мы хотим забрать ее с собой.

— Прямо так?

— Да, прямо так.

— Не могли бы вы все равно на минуточку присесть?

Мы усаживаемся рядом с его письменным столом, он заполняет какие-то формуляры и листает свой календарь.

— Когда бы вы хотели забрать машину?

— Прямо сейчас. Мы покупаем ее прямо сейчас.

— Но это невозможно.

— Почему? Нужно заплатить наличными?

— Эм, просто это невозможно так быстро.

— А в чем проблема? Нам нужна машина прямо сейчас. Самое позднее — завтра. Не могли бы вы заняться ее страхованием и постановкой на учет?

Продавец начинает немного торопиться, вероятно, предчувствуя возможность войти в историю со званием самого быстрого продавца всех времен и народов в своей компании. В ответ на мое заверение заплатить наличными он обещает предоставить машину на следующий день в одиннадцать утра — зарегистрированную и застрахованную.

С тех пор уже прошло несколько лет, а Dacia по-прежнему ездит. Ну, однажды возникали кое-какие проблемы с аккумулятором, что даже не сразу приняли за проблему: она просто время от време-

ни не заводилась. У меня. Это стало проблемой, когда моему мужу нужно было доставить большой заказ. В Венском музее открывалась выставка, и книги для нее находились в нашей машине. Она стояла в заснеженном дворе и не заводилась. Я воздержалась от каких-либо комментариев, потому что не хотелось выставить себя всезнайкой, даже если обычно так и есть. И хотя муж живет здесь столько же, сколько и я, и у него столько же друзей, сколько и у меня, именно мне пришлось обзванивать соседей в поисках проводов для прикуривания, чтобы запустить двигатель. Сделала я это, конечно, без лишних неприятных комментариев в его сторону. Провод нашелся, и я осталась очень горда собой.

Через неделю ситуация повторилась, только на этот раз утром. Никого из соседей, кто мог бы помочь, дома нет, ведь не только мы работаем. Но есть еще аварийная служба эвакуации, правда, проходит три часа, прежде чем наступает наша очередь и сотрудники службы появляются у нас во дворе. По крайней мере, нам не нужно караулить их у машины, и мы продолжаем продавать книги и заворачивать подарки, пока не раздастся звонок: они на месте. Оливер накидывает на себя что-то и исчезает во дворе напротив, где нахо-

дится наша парковка. Через пять минут он возвращается, выскальзывает из куртки, передает ее мне и натягивает на меня свою шапку. «Иди ты этим занимайся. Я не могу». Он поворачивается к следующему клиенту: «Пожалуйста, чем вам помочь?»

И вот я стою во дворе в минус десять, борода-тый водитель аварийной службы низко склоняется над нашей машиной и заметно радуется, завидев меня. Он достает из кармана куртки сигареты, протягивает мне пачку и на широчайшем вальд-фиртельском диалекте рассказывает о своем дне, не только сегодняшнем, но и вчерашнем и вообще обо всей неделе. Я закуриваю с ним заодно, и вскоре мы уже разговариваем о его бабушке, о том, что он должен был стать пекарем, но всегда любил машины и вопреки желанию родителей выучился на автомеханика. А поскольку он ненавидит рутину и любит людей, то работа водителя эвакуатора как раз для него. Даже мне, австрийке, нелегко понимать его особый диалект. Мне становится ясно, почему мой неразговорчивый и немного застенчивый муж-немец предпочитает стоять за прилавком, чем иметь дело с этим воодушевленным водителем. Впрочем, он не только болтает, но и ремонтирует машину.

Спустя много лет Dacia все еще работает, но уже не кажется мне роскошной. Отчасти это можно объяснить тем, что она была очень дешевой и теперь просто устарела, а также тем, что муж и сын воспринимают машину как предмет обихода, который нужен исключительно для того, чтобы перевозить коробки с книгами из пункта А в пункт Б, и который не требует никакого ухода и внимания. И если бы я регулярно не выбрасывала пустые бутылки из-под смузи, старые парковочные квитанции и стаканчики из-под кофе навывнос, то пола в машине уже бы не было видно. Иногда я с тоской смотрю на мужчин, которые по субботам терпеливо стоят в очереди на автомойке, тщательно подметают салон маленькой щеткой и протирают панель мягкой тряпкой. Зимой требуется примерно двадцать минут, чтобы оттаять окошко побольше, чем кружок на замерзшем лобовом стекле нашей Dacia, но боковые стекла продолжают покрываться льдом во время поездки, так как весь горячий воздух выдувается вперед.

В какой-то момент во мне вдруг зарождается жгучее желание приобрести настоящий автомобиль. С обогревом, удобными сиденьями, блютусом и аудиосистемой, позволяющей понимать новости по радио даже на скорости сто километров в час. А поскольку я каждый год пишу по книге и они неплохо продаются, значит, я зарабатываю и считаю, что могу позволить себе настоящий автомобиль. Пусть и недорогой. Пусть и подержанный. Но автомобиль. Конечно, я стыжусь этого желания. В районе я прослыла «зеленым» предпринимателем, мой книжный магазин находится рядом с районной администрацией, я давно знакома с «зеленым» главой района, если не сказать, что дружу с ней. Мне не следует испытывать подобного желания. Лучше купить новый велосипед, может быть, даже грузовой, чтобы он заменил машину. Но я это делаю. Я покупаю у подруги подержанный Volvo, и я счастлива. И теперь радуюсь, когда сажусь в автомобиль, когда чувствую, как нагревается сиденье под моими ягодицами, когда могу слушать за рулем Дэвида Боуи на всю громкость или разговаривать по телефону, держась обеими руками за руль. Мне это нравится, хотя меня и мучает совесть.

Одним декабрьским вечером я поздно возвращаюсь домой с ужина у сирийских друзей, и поскольку там все равно не бывает спиртного и я очень устала, то еду на машине. Прямо на Верингерштрассе свободно бесплатное парковочное место — мое любимое, первое после небольшого перекрестка. Я весь день не видела мужа: наши рабочие смены вновь не совпадают. Когда он работает, я сплю, когда я приступаю к работе, то отсыпается он. Уже несколько лет у нас есть замечательный склад напротив книжного магазина, именно туда доставляется весь товар. И конечно, Оливер все еще здесь, я хочу увидеть его хотя бы на минутку, спросить, есть ли у него еще силы, хотя бы чисто символически, так как другого выбора у него все равно нет. Мы перекидываемся несколькими словами, заверяем друг друга, что мы самые лучшие и в этом году тоже все получится, и, попрощавшись, я отправляюсь поспать хотя бы несколько часов. Когда я пересекаю Верингерштрассе, мой взгляд падает на новый авто-

мобиль. Он так отлично выглядит и принадлежит мне. Но минуточку, его там нет. Там, где я припарковала машину пятнадцать минут назад, ее уже нет, просто свободное место. Можно ли угнать машину за пятнадцать минут? На улице Верингерштрассе? В одиннадцать часов вечера? Или я припарковалась в другом месте и настолько устала, что совершенно забыла? Я снова присматриваюсь и нахожу ее взглядом. Моя новая красивая машина зажила собственной жизнью. Она стоит немного криво, прислонившись к знаку «Стоянка запрещена», в десяти метрах отсюда. Она перекатилась через дорогу и, по крайней мере, не выехала на трамвайные пути. Знак «Стоянка запрещена» цел и невредим, бампер не поцарапан, полицию никто не вызывал, и я надеюсь, что никто не успел заметить. А если кто и заметил, то, надеюсь, не знает, что машина принадлежит мне. Я забыла поставить ее на ручной тормоз и выключить передачу. Мне определенно нужно больше спать.

ОСТОРОЖНО, СНЕГОПАД!

Когда на улице шестнадцать градусов тепла, сложно думать о Рождестве. Никто не верит, что в этом году наступит зима, и ни у кого нет желания искать рождественские подарки — продажи катастрофически низкие. Главная торговая улица уже украшена, довольно безвкусное уличное освещение, в которое нам, конечно, тоже пришлось вложиться, покачивается на теплом ветру, и мы немного убавляем отопление.

Нам хочется снега. И много снега, желательно без ветра, и чтобы валился прямо с неба, не засыпая вращающиеся стойки с книгами в обложках, стоящие перед витринами нашего магазина. Главное — никакого ледяного дождя, иначе

улицы станут скользкими и старики не осмелятся выйти из дома и не придут покупать книги. Поэтому, пожалуйста, снег. Густыми хлопьями, чтобы все выглядывали из окон и улыбались, а с их губ срывалась «Jingle Bells». И всем хотелось поскорей купить толстые романы и красивые иллюстрированные книги.

Иногда стоит только пожелать: в первое Рождество мы были избалованы невероятным количеством снега. Квартиры у нас по-прежнему не было, поэтому мы жили с друзьями в маленьком домике на Шафберге. Шафберг — это не совсем гора, скорее холм на окраине Вены, но, по крайней мере, он на несколько метров возвышается над остальной частью города. Когда утром мы спускаемся по маленькой лестнице в сад, младший из троих «наших» детей погружается в снег по грудь. Мы вытаскиваем его, дети с восторгом кувыркаются в сугробах, и, конечно, их придется переодеть, прежде чем отправить в детский сад и школу. Вообще-то я должна

открывать магазин в девять часов, но это невозможно: все трамвайное и автобусное сообщение приостановлено. Поэтому мы усаживаем детей на санки и развозим их. В этот день можно опоздать: весь город зачарован, все движутся медленно, и никто никуда не спешит.

Вечером, к большому разочарованию детей, общественный транспорт снова работает, мы со скучным видом едем домой на метро, а затем на трамвае. Врачи на ночном дежурстве, Оливеру еще предстоит распаковать около двадцати коробок, я с чувством вины ставлю в духовку замороженную пиццу и усаживаю всех троих детей перед телевизором. Я совершенно без сил. После ужина — помыться, почистить зубы, прочитать историю на ночь, понежиться с детьми, и я засыпаю на нижнем этаже двухъярусной кровати. Ноги выглядывают из-под слишком короткого детского одеяла, но верхней части тела уютно: я зажата между двумя маленькими девочками, одна — моя, другая — друзей. С тех пор как мы сюда переехали, они отказываются спать в разных кроватях. Меня будит какой-то шум: с болью в шее я выползаю из кровати. Взглянув на часы, понимаю, что уже за полночь и кто-то стучит в дверь. Я приоткрываю ее — весь в густом снегу стоит мой муж, во-

лосы у него совершенно белые, он на мгновение задерживает взгляд на мне, потом медленно входит и исчезает в ванной. Через несколько секунд я слышу, как набирается вода, и только тогда осознаю: здесь что-то не так. Что-то странное. Я наконец полностью просыпаюсь, и до меня доходит: на улице глубочайшая зима, с неба валят густые хлопья, температура ниже нуля, а мой муж только что стоял на заметенной снегом лестнице в одной рубашке и биркенштоках. Я следую за ним: его промокшая насквозь одежда лежит на коврике, он — в ванне, и постепенно его лицо наливается краской.

— Что случилось?

— Не мог попасть внутрь. Ты снимала с брелока ключ от книжного магазина?

Я роюсь в кармане и, естественно, нахожу одинокий ключ. Понятия не имею, как он тут оказался: обычно он висит на кольце вместе со всеми остальными.

Туалет магазина находится в коридоре, куда можно попасть через небольшую дверь в задней части лавки. Снаружи — круглая ручка, то есть, если выйти, понадобится ключ, чтобы войти обратно. Ключ, который я только что нашла в кармане.

— Я вышел в туалет. И больше не смог зайти. И ты не поднимала телефон.

— И что потом?

— Мне посчастливилось успеть на последний трамвай, и остальную часть пути я прошел пешком.

— Извини.

— Ничего страшного. Главное, я добрался.

Поскольку наш магазин довольно небольшой, часть товара — что зимой, что летом — приходится выставлять перед нашей витриной на улице. Поэтому на тротуаре всегда можно найти два вращающихся стеллажа с книгами в мягких обложках, ящик с сезонными товарами (зимой — отрывные календари, летом — чтение для отдыха), стеллаж с разными справочниками и, конечно, Пикси — детскую пластиковую фигуру с плексигласовой чашей у живота, в зиму наполненной маленькими рождественскими книжками. То есть довольно много чего мы «складируем» перед магазином. С одной стороны, это для того, чтобы людям, ожидающимся трамвая, было что рассматривать, с другой — у нас просто-напросто не хватает места внутри. Такое хранение под открытым небом воз-

можно только благодаря широкому навесу, и так как перед нашим магазином находится остановка трамвая, он служит удобным укрытием для пассажиров «Венской линии»* в плохую погоду. Во время сильного снегопада приходится регулярно очищать навес, иначе он провисает и в конечном итоге может порваться. Поэтому, когда идет снег, мне приходится выходить на улицу и стучать палкой от швабры по тенту, чтобы сбросить с него снег. Иногда я кричу: «Осторожно, снегопад!», но не всегда могу уделять внимание прохожим, ищущим укрытия, ведь внутри магазина — очередь, и мне нужно вернуться за прилавок. Поэтому я быстро слегка постукиваю и возвращаюсь обратно. Когда этого долго не делаешь, снега накапливается побольше, и если люди не поторопятся отойти, то им может не повезти. Чаще всего достается мне самой, но это не страшно, ведь я живу над магазином. Если снег набивается мне в трусы, я просто поднимаюсь и быстро переодеваюсь.

Еще одно место складирования — наши многочисленные витрины. Да, конечно, это не склад в прямом смысле этого слова, поэтому нужно тщательно продумать, как все красиво расположить, —

* «Венская линия» — австрийская транспортная компания.

наших практикантов долго мучают в училищах, обучая тому, как оформить идеальную витрину. Но иногда мы действуем не по правилам. Например, когда выставляем на витрину шикарные дорогие альбомы с иллюстрациями, то делаем это, с одной стороны, для того, чтобы люди могли их заметить и купить, а с другой — потому что внутри магазина банально негде размещать книги такого большого формата. Поэтому иногда товар продается прямо с витрины. За исключением тех случаев, когда Оливер кладет ключи в карман брюк, его нет в магазине и до него невозможно дозвониться. Или когда в очень холодную зиму замки витрин замерзают и до товара невозможно добраться. Обидно: перед тобой стоит покупатель, готовый потратить пятьдесят евро на иллюстрированную книгу. Эта иллюстрированная книга у вас перед глазами, но, к сожалению, до нее не дотянуться. «Завтра обещают небольшое потепление. Может, заглянете через несколько дней?»

КОНКУРС «КОМУ ХУЖЕ ВСЕХ»

В первые годы существования книжного магазина все было довольно просто. Нам обоим приходилось тяжело. Оба работали до упаду, день и ночь, фактически все время, в перерывах пытаюсь обеспечить младшему ребенку нормальное детство, старший, к счастью, вырос сам по себе.

Я отлично помню наши отношения с Оливером в начале, только после знакомства. Отзывчивый и заботливый, иногда он даже предлагал понести мою сумку, лишь бы у меня не болела спина.

Но стоило нам открыть книжный магазин — и от этого трогательного поведения не осталось и следа. Нам приходится вместе разгребать дела, и на романтику совсем не остается времени.

Он даже научился наблюдать без зазрения совести, как я пытаюсь затащить тележку, набитую четырьмя коробками книг, на три ступеньки или как я тягаю вращающиеся книжные стеллажи перед магазином. Это стало привычным занятием: мы делаем это изо дня в день. В конце концов, Оливер не намного больше и сильнее меня, и ему тоже приходится постоянно таскать коробки по району. Стоит наступить декабрю, и мы оба носим тяжести, работаем до полного изнеможения, и ни у кого из нас нет сил поддержать друг друга, более того, иногда их не хватает даже на ободряющую улыбку — мы всецело находимся в плену у жалости к самим себе.

В первый год рождественских продаж, когда мы жили у друзей в маленьком домике в Шафберге, в соревновании «Кому хуже всех» участвовало четыре человека. Друзья, к которым мы тогда переехали, работали в крупнейшей больнице города, что означало ранний подъем, постоянные переработки, дежурства по выходным и ночам. И мы в придачу: каждый день с раннего утра до позднего вечера пропадали в книжном магазине. Время от времени мы все встречались на совместных приемах пищи, после чего снова возвращались к работе. «Неродных родителей», то есть врачей, часто не бывало

дома по ночам, поэтому мне приходилось оставаться с детьми: нам просто было не под силу оплатить такое количество часов работы няни. Хотя дети в тот период проживали очень напряженный переходный возраст, подобные вечера казались мне отдыхом. Поест, немного поиграть или что-нибудь помастерить, помыться, вытереть насухо кафельный пол, немного повздорить из-за чистки зубов, провести беседы с самыми маленькими о пустышке, прочитать историю на ночь и оставаться непреклонной, когда дети все время норовили выскользнуть из кровати. Зато потом, когда они наконец-то засыпали, наступало главное событие недели: свободный вечер, а значит, я отключусь перед телевизором не позже девяти. Правда, мне всегда приходилось немного привирать другим родителям, чтобы у них не могло проскользнуть и мысли, что я наслаждалась приятным вечером, пока они переносили тяготы жизни. Лишь однажды, когда в детской комнате свирепствовал желудочный вирус и всех троих детей несколько часов подряд по очереди тошнило на кровати, — в этот момент я предпочла бы оказаться в книжном магазине. К четырем часам утра у меня не осталось ни одного комплекта постельного белья, они все трое, обессиленные, лежали в моей кровати, а я — на диване в детской комнате, чтобы

не пропустить следующий звонок будильника. Вернувшись с ночного дежурства в семь утра, наш друг, принялся жаловаться, как ему нелегко, я же натянула на голову одеяло и еще немного подремала.

За несколько лет «рождественского бизнеса» у нас с мужем установилось четкое разделение труда. Он отвечает за прием всего товара, обрабатывает заказы, наполняет ящики сумками и пакетами, берет на себя любые задачи, чтобы магазин работал достаточно гладко и никто не замечал, что на самом деле мы постоянно перегружены и выкручиваемся из разных ситуаций. Я же стою за прилавком, даю рекомендации и продаю книги, прилагая все усилия, чтобы угодить как покупателям, так и сотрудникам. Работа в магазине подразумевает постоянное общение, поэтому важно поддерживать максимально хорошее настроение. А если долго недосыпать, то настроения не будет вовсе. Поэтому в какой-то момент было принято решение, что я ухожу из магазина не позже девяти вечера. Мне позволено возвращаться в квартиру

и готовить что-нибудь поесть, обычно сил хватает только на бутерброд или, в лучшем случае, на макароны с песто. Ужин, конечно же, не обходится без вина и экрана телевизора. Поскольку Оливер еще не скоро вернется со склада, я могу спокойно смотреть передачи про несовершеннолетних матерей, обмен женами или советы от кинологов, не рискуя услышать критическое замечание от своего мужа-интеллектуала. Это единственные программы, которые я хоть как-то могу понимать в таком состоянии. Иногда попадаются документальные фильмы о суровых мужчинах на буровой или о шахтерах, и тогда моя работа уже не кажется такой трудной. Время от времени по комнате проносится муж и отчитывает меня за то, что я еще не в кровати в десять часов ночи, хотя мне разрешили пораньше уйти с работы, чтобы лечь спать. Он не понимает, что это вовсе не так просто. Нельзя десять часов работать на бешеной скорости, беспрерывно говорить, думать, реагировать, функционировать, а потом резко остановиться и заснуть. Это просто невозможно, и поэтому я радуюсь, что у нас есть более тридцати телевизионных каналов. Иначе бы я лежала в кровати, сна ни в одном глазу, и думала о том, действительно ли я заказала книгу для херра Брукшвайгера

и куда положила список, который фрау Ширнер сунула мне в руку в самый разгар сегодняшнего дня. Уж лучше я буду смотреть, как шестнадцатилетняя девушка с пирсингом и татуировками меняет пеленки своему ребенку, или как Мартин Рюттер за десять минут превращает испуганную собаку в дружелюбное и воспитанное существо. Моя же собака с довольным видом лежит рядом со мной на диване и даже не думает чему-то учиться у херра Рюттера или брать пример с этого чудо-пса.

В какой-то момент сон наконец-то одолевает меня. Так как мой муж обычно ложится, когда мне нужно просыпаться, то две предрождественские недели мы спим в разных комнатах. Потому что и ему не удастся моментально заснуть. Но в отличие от меня ему, чтобы успокоиться, нужно лишь несколько страниц Арно Шмидта или Томаса Манна.

Как бы мне ни нравилось жить и работать с мужем почти двадцать лет, раз в году в последние две недели перед Рождеством у меня закрады-

ваются тайные фантазии: что, если бы я была замужем за кем-то другим? Не потому, что я хочу другого мужа, нет, меня скорее привлекает идея пожить под одной крышей с кем-то, кто не так же измотан, как я. Например, с адвокатом с обычными часами работы в офисе. С банковским клерком, инструктором по серфингу, который работает только летом, а зимой у него достаточно времени, чтобы заботиться обо мне. О, это бы совсем не помешало, потому что мы постоянно сражаемся за титул «того, кому хуже всех», хотя, конечно, и оба знаем, что это нисколько не поможет ситуации. После целого дня на ногах за прилавком в окружении покупателей, которые постоянно меня дергают и что-то спрашивают, ночные смены мужа кажутся мне настоящим курортом. Это, естественно, глупости, и, разумеется, я бы ни за что не поменялась. Я бы, наверное, впала в депрессию, если бы ночь за ночью мне приходилось проводить в одиночестве на складе перед горами коробок высотой в три человеческих роста и заказами на длинных полках. Я бы предпочла много разговоров, стресса, смеха, время от времени клиентов не в духе. В этом, если честно, для меня и заключается жизнь книготорговца.

Все-таки жаловаться хотя бы иногда просто необходимо, но и на такие случаи у Оливера уже заготовлена реакция. В ответ на мой рассказ о покупателе, который плохо обращался со мной, был ворчлив и недружелюбен, муж заглядывает в свои накладные и сообщает, что с сегодняшней доставкой все было не так: многие книги были неправильно упакованы, до горячей линии было не дозвониться, а на две последние коробки ушло в пять раз больше времени, чем обычно. Да... Нам обоим приходится нелегко. И моему мужу тоже, я в этом не сомневаюсь. Но...

Конечно, когда кто-то из нас болеет, становится еще хуже. 15 декабря у меня воспаляется среднее ухо — я глотаю горстки «Паркемеда»*, пытаюсь сбить высокую температуру и заглушить сильные боли, и врач настаивает, чтобы я не вставала с кровати три дня как минимум. После этого мне разрешают вернуться на работу: в ушах — вата, на голове — шапка. Я бедная-несчастливая и больная и хочу, чтобы меня пожалели, но, увы, ни у кого нет на это времени, а Оливер еще не счастнее.

* «Паркемед» — нестероидный противовоспалительный препарат с обезболивающим, противовоспалительным и жаропонижающим действием.

Я где-то прочитала про фонд, который помогает пожилым книготорговцам, оказавшимся в тяжелой ситуации. Может, мне стоит создать что-нибудь похожее: организацию, которая будет давать советы парам, владеющим книжным магазином. По крайней мере в декабре. Я, правда, не понимаю, когда мы должны успевать этим заниматься, может, в целях профилактики стоит приступить уже в августе.

У ВАС, СЛУЧАЙНО, НЕТ?..

«У вас, случайно, нет нового Майерхофа?» Мы не перестаем удивляться подобным вопросам. Книга недавно вышла, сразу возглавила списки бестселлеров, и ее успех нельзя назвать неожиданным. А значит, мы заказали ее в огромном количестве еще за несколько недель до выхода. И все равно люди продолжают спрашивать, нет ли у нас, случайно, этой книги? Некоторые приходят к нам и, осмотревшись вокруг, интересуются, существует ли какой-нибудь принцип, по которому расставлены книги. Нет, нам приходит товар, который мы просто расставляем по полкам в произвольном порядке, как нам придет в голову или как позволит место. Послушайте: даже если так не кажется, но в этом

книжном магазине — да и, впрочем, в каждом книжном магазине — ничто не стоит на месте случайно и существует система, даже если ее не всегда можно разглядеть с первого раза.

Логистика в последние недели года становится самым большим испытанием. Логистика, а не толпы людей, нехватка сна и постоянная эмоциональная перегрузка, — нет, чтобы справиться, нам нужно пронести тысячи книг через несколько квадратных метров книжного магазина, потому что за эти недели мы делаем двадцать процентов всего нашего годового оборота, и это очень много денег.

В первые несколько лет количество заказанных и, соответственно, доставленных книг практически накрывало нас с головой. В нашем распоряжении была всего лишь небольшая подсобная комната, в которой и без того было тесно: письменный стол, полки для небольших запасов и стол для распаковки. Когда начали доставлять товар, туда больше ничего не помещалось, поэтому коробки приходилось складировать на лестничной площадке,

и Оливер заносил их в подсобку по одной, чтобы распаковать. Долго это не могло продолжаться: иногда было настолько набито, что мы с трудом пробирались к туалету в коридоре, и хозяйке квартиры, понятное дело, это перестало казаться забавным.

Какое счастье, что мы живем над нашим магазином и у нас есть большая столовая. И как хорошо, что в декабре она нам все равно не нужна, потому что времени на еду нет, и уж тем более нам не придет в голову идея пригласить кого-то в гости. Поэтому все что можно из подсобки магазина было перенесено наверх. К счастью, Оливер — мастер на все руки, и длины книжных полок, которые он уже успел соорудить за свою жизнь, наверное, хватило бы, чтобы измерить расстояние от Вены до Зальцбурга. В конце ноября он просто собирал в нашей столовой несколько полок из «Икеи», на которых размещались путеводители, книги-картинки и запасы кулинарных книг. Так называемые штабеля, то есть книги, которых у нас всегда много в запасе, потому что в декабре мы каждый день продаем их в большом количестве, упаковывались в коробки, которые, в свою очередь, загружались на небольшие тележки и складировались в столовой. Там они расставлялись перед полками, и при необходимости их можно было откатить в сто-

рону. Было важно сделать их передвижными, так как нужно было иметь доступ к большому обеденному столу посреди комнаты. Но вовсе не для того, чтобы сесть за него и пообедать, нет, здесь раскладывались товары для шести рождественских книжных столов, которые предстояло провести в разных школах. Несколько сотен детских книг, сложенных в высокие стопки, из которых все ученики получают по пакету со своим заказом. Для этого необходим большой стол. Началось все с простых школьных книжных выставок: одна школа и один детский сад, а поскольку я не умею отказывать, то с каждым годом школ и детских садов только прибавляется. Я уже давно потеряла счет, но, к счастью, у нас тогда была мама Евы, которая приходила каждый день и все держала под контролем. Правда, иногда, когда я пробиралась вечером через слабоосвещенную столовую, меня охватывала паника при виде гор книг с торчащими между ними чеками и разноцветными стикерами, для каждой школы — своими. А что будет, если она, мама Евы, просто перестанет приходить? Что, если она заболит или поскользнется на тротуаре? Ей ведь почти семьдесят, и хотя она в отличной форме, никогда не знаешь! Никто, никто из нас не сможет справиться с этим океаном заказов, и не

только из-за нехватки времени, но и потому, что мы просто не разберемся в них.

Такой склад в столовой хорошо сказывался и на нашей физической форме: по несколько раз в день нам приходилось подниматься на второй этаж, чтобы достать какую-нибудь книгу. Если система управления товарами показывала наличие четырех путеводителей по Риму, а в магазине находилось только три, то четвертый лежал в нашей квартире, и, конечно, его нужно было тут же принести. На обратном пути можно было быстро заглянуть в холодильник, ухватить сосиску или кусочек сыра и мчаться обратно вниз. Иногда, правда, мне становится любопытно, что думали покупатели о том, куда мы вечно исчезали со словами «Пойду посмотрю на складе» и возвращались через восемь минут — запыхавшись, но с нужной книгой в руках. Может, они считали, что у нас был огромный ангар с полками? Склад, как у «Амазона»?

История со складом в столовой уже несколько лет как канула в Лету. Теперь в нашей столовой стоит

большой стол с несколькими стульями, буфет, недавно даже появилась небольшая печка, а рядом с ней — два уютных кресла. Не то чтобы нам теперь удастся сидеть здесь в декабре, но мы могли бы. Теоретически. И выглядит это уютно.

Столовая теперь полностью наша, потому что мы наконец-то арендовали большое помещение напротив книжного магазина. Раньше оно служило складом одному маляру, и я на протяжении нескольких лет наблюдала за ним, когда он попадался мне в районе. Он уже такой старей! Ему пора на пенсию! И склад ему больше не нужен, а вот нам он в самый раз! Напротив магазина, просторный, светлый, и у нас наконец-то появится место для распаковки товара, хранения книг перед школьными мероприятиями, сбора посылок. И вот наконец вселенная внимает моей мольбе, маляр отправляется на пенсию, и нам обходными путями удастся арендовать помещение. За два месяца знакомый архитектор смог переоборудовать его под наши нужды, и жить стало легче.

Рецепты

КАПУСТНЫЙ ФЛЕКЕРЛЬ* ОТ НАШЕГО ДОМАШНЕГО ВРАЧА ХУГО ГОЛЬДА

*(из книги «Австрия для вегетарианцев»,
издательство Brandstätter Verlag)*

Рецепт на 4 порции, голодным книготорговцам
полагается добавка!

* Флекерли — макаронные изделия, традиционные в австрийской кухне. Они имеют квадратную или ромбовидную форму и нарезаются из раскатанного скалкой теста. Блюдо из этих макаронных изделий называют флекерлем: например, краут-флекерль, капустный флекерль.

Для флекерлей:

*300 г муки (одна половина — грубого помола,
другая — тонкого)*

1 ч. л. соли

3 яйца

2–3 ст. л. воды

1 ст. л. растительного масла

1. Все ингредиенты смешать и замесить не слишком тугое тесто, завернуть в пленку и оставить на 1 час.
2. Тонко раскатать (при наличии можно использовать машину для лапши) и нарезать на квадраты или ромбы размером 2×2 см.
3. Варить 2 минуты в подсоленной воде до состояния аль денте, после чего слить воду.
4. Флекерли, естественно, можно купить в магазине. Хотя они и не такие вкусные, как флекерли собственного приготовления, но все равно неплохие.

Для капусты:

2 мелко нарезанные луковицы

*1 кочан капусты, нашинкованной на небольшие
квадратики*

3 ст. л. растительного масла

½ зубчика мелко порубленного чеснока

по 1 ст. л. сахара, соли, перца

1 ч. л. тмина

¼ л овощного бульона

1 ч. л. майорана

1. Лук и капусту обжарить в масле на медленном огне, добавить чеснок. Всыпать сахар и карамелизовать до светло-коричневого цвета, добавить соль, перец, семена тмина и влить овощной бульон.
2. Тушить, не доводя до разваренного состояния. Добавить майоран и смешать с флекерлями.
3. При подаче на стол по желанию можно добавить 1 ст. л. сливок на порцию.

ВЕНСКИЙ КАРТОФЕЛЬНЫЙ СУП ОТ ХУГО ГОЛЬДА

*(из книги «Австрия для вегетарианцев»,
издательство Brandstätter Verlag)*

Рецепт на 4 порции, книготорговцам полагается
в три раза больше!

Вам потребуется:

2 ст. л. сушеных белых грибов

3 сырые картофелины

1 луковица

1 зубчик чеснока

*100 г корней и корнеплодов (сельдерея,
пастернака и моркови, желтой репы)*

1 ст. л. сливочного масла

1 ч. л. сушеного майорана

соль, щепотка перемолотого тмина, перец

1–2 ст. л. муки тонкого помола

$\frac{1}{8}$ л сливок

1 ст. л. мелко нарезанной петрушки

1 л овощного бульона

1. Белые грибы залить водой и вымачивать не менее 30 минут, нарезать небольшими кусочками, воду не выливать.
2. Картофель очистить и нарезать мелкими кубиками, коренья, корнеплоды, лук и чеснок измельчить и слегка обжарить на сливочном масле. Приправить майораном, тмином, солью и перцем. Посыпать мукой и продолжить обжарку.
3. Влить овощной бульон, добавить белые грибы и воду из-под грибов.
4. Добавить сливки и томить на огне около 15 минут.
5. Приправить по вкусу, добавить мелко нарезанную петрушку и при подаче украсить зеленью.

ШЕЙХ АЛЬ-МАХШИ ОТ ХУДА АЛАЛИ

Вам потребуется:

5 маленьких кабачков

300 г фарша

1 средняя луковица

1 л греческого йогурта

1 большой стакан воды

1 ст. л. крахмала / 1 яйцо

специи по вкусу: корица, кардамон,

мускатный орех

1. Из вымытых кабачков достать мякоть (сделать это со стороны плодоножки, не разрезая овощ пополам). Обжарить их целиком во фритюре на растительном масле.

2. Отдельно обжарить фарш с мелко нарезанным луком, посолить и добавить специй.
3. Нафаршировать кабачки мясом.
4. Смешать йогурт с водой и крахмалом или яйцом, помешивать около 2 минут на небольшом огне, затем ненадолго довести до кипения. Пока йогуртовая смесь медленно загустевает, добавить кабачки и варить около 10 минут.

МАКЛЮБЕ (ВЕГЕТАРИАНСКОЕ) ОТ ЗАХРА АЛАЛИ

Вам потребуется:

4 баклажана среднего размера

2 стакана риса

5 зубчиков чеснока

растительное масло для обжарки

соль, перец

1. Рис хорошо промыть и залить горячей водой.
2. Баклажаны нарезать тонкими кружочками и обжарить на масле.
3. Половину баклажанов раздавить толкушкой и смешать с измельченным чесноком, затем эту смесь готовить вместе с рисом в кастрюле.

Для этого используйте горячую воду в расчете $1\frac{1}{4}$ стакана воды на чашку риса.

4. Выложить обжаренные баклажаны в форму для выпечки в виде цветка или узора, затем выложить рис с баклажановой массой, слегка придавить сверху. Перевернуть и открыть форму. Это должно напоминать торт.

КУРИНЫЙ ПАПРИКАШ ОТ ДОРИС КНЕХТ

*(из «Большой кулинарной книги Захера»,
которая, к сожалению, больше не издается)*

Вам потребуется:

1 курица

40 г сливочного масла

1 упаковка сметаны

1–2 ч. л. муки

соль

20 г сладкой паприки

лимонная цедра

томатная паста или свежие помидоры

$\frac{1}{4}$ л куриного бульона или воды

по желанию $\frac{1}{2}$ зеленого перца

1. Готовую к обжарке курицу нарезать крупными кусками, приправить солью и обжарить в разогретом сливочном масле с обеих сторон до образования золотистой корочки. Затем поставить в теплое место.
2. Используя остатки масла после приготовления курицы, обжарить лук и чеснок до золотистого цвета. (При желании в конце можно добавить половину зеленого сладкого перца, нарезанного полосками.) Ненадолго снять сковороду с огня, аккуратно приправить сладкой паприкой, затем влить $\frac{1}{4}$ л куриного бульона, добавить немного томатной пасты или свежих томатов и довести до кипения.
3. Посолить и добавить лимонную цедру. Положить куски мяса в получившийся бульон, накрыть крышкой и тушить на слабом огне около получаса, пока мясо не станет мягким.
4. Затем переложить куски мяса в блюдо.
5. Смешать венчиком сметану, немного воды и муку, добавить в бульон, варить до загустения, часто помешивая, и вновь положить туда мясо.
6. Тушить все вместе несколько минут. Подавать с ложкой сметаны и полосками зеленого перца.

Гарнир: клецки и зеленый салат.

ВАНИЛЬНЫЕ КИПФЕРЛИ

(по рецепту бабушки Сильвии Носсек)

Вам понадобятся:

280 г муки (универсальной или мелкого помола)

210 г масла

100 г орехов

100 г сахарной пудры

немного пекарского порошка

лимонная цедра

ванильный сахар

Замесить тесто, скатать в узкий рулет, разделить его на части и придать форму рогаликов. Выпекать 18 минут при температуре 150 градусов. Сахарную пудру смешать с ванильным сахаром и посыпать горячие кипферли.

Рекомендации КНИГ

(без претензии на полноту
и исключительно субъективные)

На любой вкус:

Любые книги Йоахима Майерхофа

Роберт Зеталер «Табачник»

Роберт Менассе «Столица»

Юли Цее «Унтерлойтен»

Джерард Донован «Зима в Мэне»

Для тестя, у которого уже все есть:

Петер Вайнхойпль «Градо. пляж Центральной Европы»

Изабелла Аккерль «Неизвестная Вена»

Р. Г. Грант «Хранители моря»

Алистер Боннетт «Атлас нашего времени»

Нон-фикшн для очень образованного джентльмена:

Дидье Эрибон «Возвращение в Реймс»

Филипп Блом «Континент на грани: Европа 1900–1914 гг.»

Юваль Ной Харари «Краткая история человечества»

Герт Мак «В Европе. Путешествие по XX веку»

Та-Нехиси Коутс «Между миром и мной»

Кое-что приятное для дамы:

Изабель Богдан «Павлин»

Алан Беннетт «Непростой читатель»

Марьяна Леки «Что видно отсюда»

Для любителей посмеяться:

Макс Гольдт «Всё»

Марк-Уве Клинг «Страна Качества»

Томми Яуд «Хуммельдумм»

Даниэль Глаттауэр «Лучшее средство
от северного ветра»

Дэвид Седарис «Голый»

**Для 14-летнего не большого любителя
почитать:**

Все тома «Гарри Поттера»

Урсула Познански «Эреб»

Луис Сашар «Ямы»

Андреас Эшбах «Black*Out»

Родди Дойл «Дикая природа»

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотела бы поблагодарить Джо Ленгле, без которой этой истории о книжном магазине, возможно, и не было бы, и Фридриха Дёнхоффа, который попросил написать книгу о рождественском безумии.

Я также хотела выразить благодарность всему коллективу издательства DuMont Buchverlag — без вас я бы не раскрылась как автор. Вы лучшие, когда речь заходит о книгах и вечеринках!

ОБ АВТОРЕ

Петра Хартлиб родилась в Мюнхене в 1967 году. Она изучала психологию и историю, а затем работала пресс-секретарем и литературным критиком в Австрии и Германии. В 2004 году она неожиданно для себя стала владелицей традиционной книжной лавки в Вене и вместе с мужем Оливером преобразовала ее в современный книжный магазин. В 2014 году Петра написала об этом книгу, которая завоевала признание читателей. С тех пор посетители приходят на Верингерштрассе, 122 не только чтобы купить книги, но и лично познакомиться с автором бестселлера и получить автограф на своем экземпляре.

МЫ КУПИЛИ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Петра Хартлиб

В один день бросить упорядоченную жизнь и карьеру в Гамбурге и, поддавшись спонтанному порыву, купить маленький обанкротившийся книжный магазин в Вене? Почему бы нет! Это уютная и вдохновляющая история о том, как Петра Хартлиб воплотила в жизнь тайную мечту каждого книголюбца и стала владелицей успешного венского книжного.

Магазин стал настоящим домом для ее семьи — с постоянными покупателями, которые становятся друзьями, и друзьями, которые заходят почитать и поболтать. Рассказ Петры пронизан юмором и самоиронией, и каждая строчка в нем — признание в любви к миру книг.

МИО∞ Культура

ИСКУССТВО

АРХИТЕКТУРА И УРБАНИЗМ

БИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

ПУБЛИЦИСТИКА И ЭССЕИСТИКА

НОН-ФИКШН ИСТОРИИ

МУЗЫКА, ТЕАТР, ТАНЕЦ

КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ

ЛИТЕРАТУРА

СТРАНОВЕДЕНИЕ

#mifculture

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/kultura-letter

Все книги по культуре
на одной странице:
mif.to/culture

mifculture

КУЛЬТУРА

Литературно-художественное издание
Книги, книжные и их обитатели

Хартлиб Петра

**Книжный магазин
и безумные праздники**
Новогодние хроники (совсем не)
уставшего книготорговца

Руководитель редакционной группы *Надежда Молитвина*

Шеф-редактор *Дарья Калачева*

Ответственный редактор *Анастасия Устинова*

Литературный редактор *Анастасия Грицкова*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Арт-директор *Анастасия Новик, Максим Гранько*

Иллюстрация на обложке *August Ro*

Дизайн обложки *Максим Гранько*

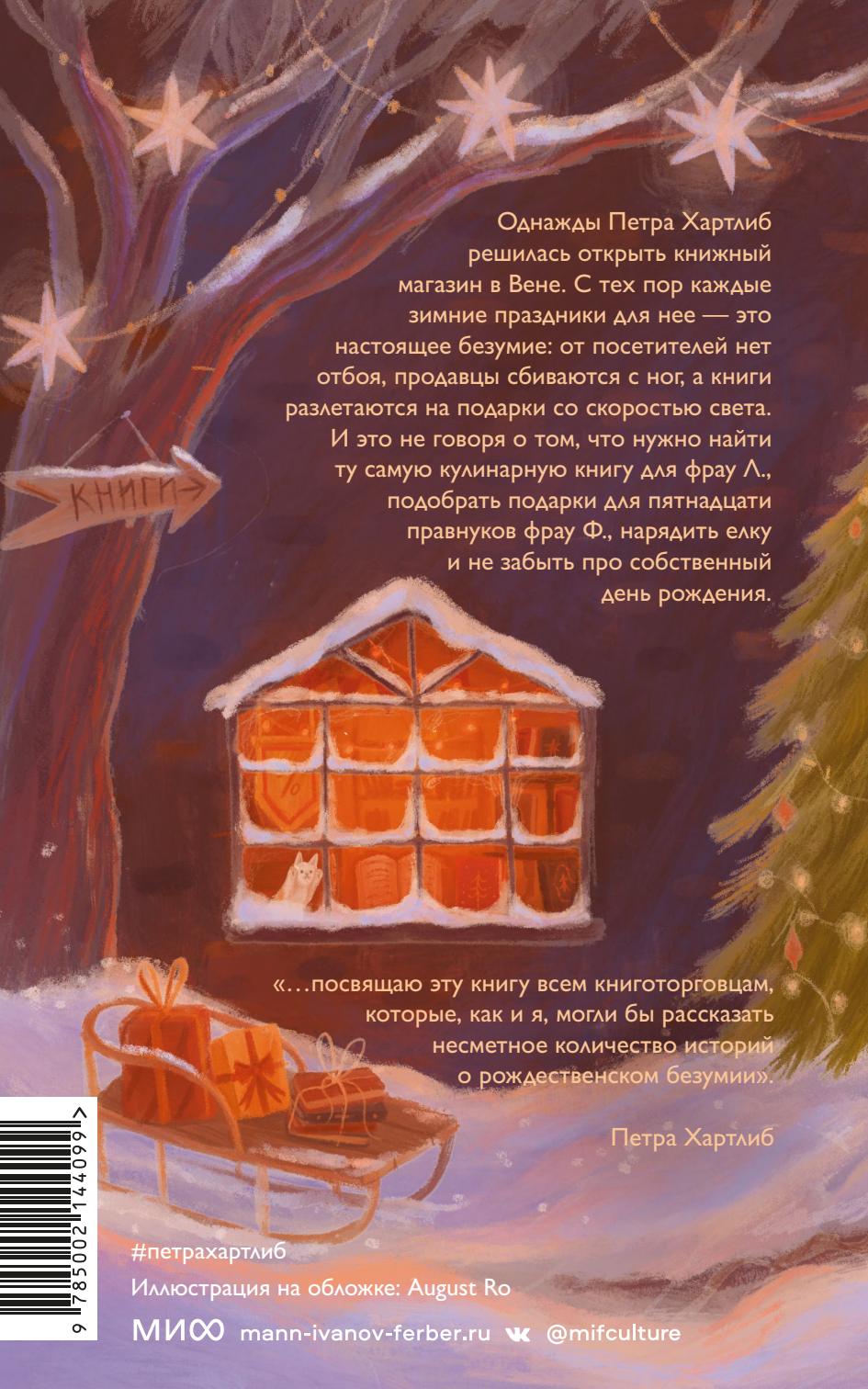
Дизайнер-верстальщик *Юлия Анохина*

Корректоры *Надежда Лин, Надежда Евменкина*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifculture

Однажды Петра Хартлиб
решилась открыть книжный
магазин в Вене. С тех пор каждые
зимние праздники для нее — это
настоящее безумие: от посетителей нет
отбоя, продавцы сбиваются с ног, а книги
разлетаются на подарки со скоростью света.
И это не говоря о том, что нужно найти
ту самую кулинарную книгу для фрау Л.,
подобрать подарки для пятнадцати
правнуков фрау Ф., нарядить елку
и не забыть про собственный
день рождения.

«...посвящаю эту книгу всем книготорговцам,
которые, как и я, могли бы рассказать
несметное количество историй
о рождественском безумии».

Петра Хартлиб

#петрахартлиб

Иллюстрация на обложке: August Ro

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifculture

